

Нина Тарасова

**Королевство
слез**

Нина Тарасова

Королевство слез

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68486830

SelfPub; 2022

Аннотация

Все началось с обмана. Я дико комплексую над своим самым простым именем. Поэтому при знакомстве с потрясающим молодым человеком представилась Снежанной. Кто бы знал, куда это маленькое лукавство меня заведет... а завело оно меня в параллельные миры, о существовании которых даже не представляла: мир царя Гороха, сказочный мир с эльфами и гномами, мир эпохи рыцарских турниров и даже к динозаврам заскочила напоследок. А все для чего? Чтобы спасти мириады подобных миров от властной, жадной, помешенной на вечной жизни ведьмы Ядвиги Маркатовны! Но, как говорится, что мне дождик, что мне зной, когда мои друзья со мной. Эти приключения будут точно воспеты в балладах!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	30
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Нина Тарасова

Королевство слез

*Живя в реальном мире, стремись к
невероятному.*

Эрнесто Че Гевара

Давайте начистоту. Прямо ваг так сразу, с места в карьер. Обещаю говорить правду, только правду и ничего кроме правды. Мне кажется это самый подходящий момент, так как именно сейчас ощущаю, что соображаю более-менее нормально. Так скажем, мозг функционирует в допустимых нормах. Хотя буквально пару дней назад, такого бы не сказала. Думала, все, пора в психушку, с мягкими стенами и улыбчивыми санитарями. Но оказалось, что свихнулась-то не я, а матушка природа, которая всего на всего решила пошутить с примерной выпускницей... А началось-то все до боли банально...

Глава 1

Меня зовут Мария Черепашка. Не смейтесь. Это проблема всей моей короткой, но полной впечатлений жизни. Мало того, что родители решили меня назвать Маша... Давайте считать это моей личной болью в совокупности с моими покалеченными тараканами, которых я ежедневно подкармливаю у себя в голове. Я ничего не имею против других Маш. Имя может идти и очень подходить человеку. Но я и... Маша? Ребят, кроме шуток, где я и где это имя – Машка! Мой школьный комплекс огромным шрамом проходящий сквозь все школьное детство именовался не иначе как «Машка-какашка». И мне с этим жить! Хотя, если подумать, с моим именем жить еще можно. Прабабушку одной моей одноклассницы зовут Тролебузина. Родители были фанатиками, в расшифровке это звучит как – Троцкий, Ленин, Бухарин, Зиновьев! Но ведь и фамилия у меня, мама не горюй. На крайний случай я соглашалась на Марию, но никак не уменьшительно-ласкательную производную. Так, что получилось, с самого рождения я обречена на нечто особенное, героическое (не каждая девушка способна вынести на своих хрупких плечах такой «подарочек» родителей, не могли ничего поумней придумать). И это звучит, даже как-то угрожающе, но с надеждой на будущее, не ахти какое, но все-таки. Учусь в обыкновенной ничем не примечательной школе,

уже в последнем, 11 классе. И давно поняла одну истину – положила руку на сердце говорю, что с удовольствием выпорхну из ее стен. Правда где «свить гнездо» на ближайшие пять-шесть лет, еще не задумывалась.

Если в двух словах обо мне (не считите меня слишком «скромной») я довольно-таки миленькая, даже симпатичная девушка. В школе пользуюсь большим вниманием противоположного пола, да и на улице постоянно кто-нибудь настойчиво требует внимания. Особенно по весне, мда. Нет, мне это приятно, не спорю, но хорошего помаленьку, да и были бы эти «ухажеры», хоть чуть-чуть обаятельными, что ли... О большем я уж и не мечтаю, так ведь нет, одни носатые, тощие, полулысые, а порой такие, что и в отцы мне годятся! Где ваш стыд и честь, господа! А уж если попадают высокие, сильные, с внешностью кинозвезды (поверьте, у нас такие еще встречаются!), то порой кажется, как только при знакомстве я говорю: "Очень приятно, меня зовут Маша", – то у представителя противоположного пола появляется саркастическая улыбка (фамилию же я никогда не выдаю, это СТРАШНАЯ военная тайна!). Нет, может это у меня уже нервное, если вам больше нравится, то называйте подростковым комплексом, но мы с этим именем не совместимы точно. Поэтому обычно я представляюсь под псевдонимом Снежанна. А что? По-моему, очень красиво, нежно, загадочно, романтично. Но именно из-за этого потрясающего имени и случилась неразбериха, которая перевернула всю

мою жизнь. А у меня кто-нибудь спросил? Поинтересовался? Нет, на то есть более высоко-уполномоченные инстанции, которые вправе решать за тебя *твою* же судьбу. Это мне уже позже объяснили.

* * *

Как примерная ученица, отсидев все уроки, со спокойной душой вылетела из школы. День выдался на удивление солнечным. Самый разгар апреля, а тепло как в июне. Солнечные зайчики бегают по дорожкам и прячутся в молодых, еще клейких, зелененьких листочках. Ах, как хорошо! Пахнет приближающимися каникулами, отдыхом... выпускными экзаменами и экзаменами вступительными. Ну вот, настроение испорчено.

– Эй, Машка, подожди!

– Я же просила, не называть меня «Машка»!!!! – обернувшись, увидела, что меня догоняет Колька Семенов, парнишка из параллельного класса. Добрый, милый, можно сказать симпатичный и плюс ко всему еще и в перспективе золотой медалист! Но тихий, скромный, нерешительный, скучный. Плюс на минус, дает минус. Так, что я не горела желанием гулять под луной с этим романтиком. Потому что, где-то в глубине души понимала, если к нам (точнее ко мне) начнут приставать (все бывает), даже если это будут вдрызг пьяное хулиганье, то именно мне придется его защищать, а потом и

откачивать валерьянкой. Поэтому, как бы не жаль было мне этого «героя» я всячески старалась избегать с ним прогулок, не говоря уже о развитии каких-то отношений. Да даже не только в его физических возможностях дело, просто мне с ним скучно, неприятно, у нас с ним нет ничего общего. Итог – это герой не моего романа. Но и ссориться с ним не хотелось, как ни как медалист, а на носу экзамены.

– Маш, ты домой, да? Нам по пути, давай я тебя провожу...

– Коль, знаешь... Мне... надо еще... в общем... – на ходу стала придумывать отмазку, – заехать к двоюродной сестре.

– Именно сегодня? – его голос стал до боли грустный, – жаль, посмотри какой сегодня классный день, я хотел...

– Понимаешь, очень надо... у нее есть книги, которые мне помогут подготовиться к экзаменам, – я постаралась вложить в голос всю нежность, на которую была способна, но меня уже начинало дергать, – я тебе обязательно позвоню как приеду, хорошо?

– И мы пойдем прогуляемся? Да? – парень засиял, как начищенный самовар, хотя я даже головой еще не кивнула, – Маш, я как раз собирался с тобой поговорить...

"Только этого мне не хватало, для полного счастья. Нет уж, милый мой, оставим все, как есть. Мне и так кажется, что я не слишком легко живу, а еще ощущать, что на мне зависишь ты... Нет, нет и нет. Не хочу."

– Вот и поговорим. Отлично, пока, – я развернулась, но

он схватил меня за руку.

– Маш, я тебя провожу хотя бы до автобуса. Ладно, – это скорее была не просьба, а решение, которое обжалованию не подлежит. Надо же, оказывается и в его голосе может проскользнуть нотка железной твердости.

– Коля, я спокойненько дойду сама, тут ведь не далеко? А ты, наверное, занят, спешишь...

– Нет! У меня полно свободного времени и я с удовольствием с тобой пройду до автобуса. Возражений не принимаю. Пошли.

Черт, вот те на. Теперь еще придется куда-нибудь ехать. Нет, сегодня явно не мой день.

Мы медленно пошли через парк. Я специально спрятала руки в карманы, чтобы он не делал попыток взять меня за руку. Не хочу! Колька мне что-то рассказывал про школу, про свой класс, про учителей, про то, что если он не сдает экзамены, то лучше умереть, даже если будет четверка. Тогда ведь он не получит медаль и можно будет сказать, что в тот день, я видела его в последний раз. Нет, блефует. Во-первых... вот в ком я уверена больше всего, так это именно в нем. Нет, то, что пятерка у него будет, может сомневаться лишь слабоумный. Он же сутки напролет проводит за учебниками и, кажется, даже во сне решает формулы на английском и немецком языках. Это же давно известная истина и понятна даже первокласснику, но только не Николаю Семенову. Отсюда следует вывод, что единственное ради чего жи-

вет этот школьник – медаль. А если не сумеет отстоять свою честь на экзаменах? Жизнь загублена, так толком и не начавшись и все, что ему светит это мытье полов в средней руки придорожной кафешке. Нет, он сдаст. Это могу сказать вам я, Мария Черепашка. Слишком хорошо я знаю этого меланхоличного. Скорее вопрос стоит в моих будущих результатах, хоть на тройку-то, но вытяну?

Вот так мы и дошли до остановки. Тут же подошел автобус. "Хоть в чем-то мне сегодня везет." Быстро прыгнув на подножку, пока Коля не очухался и не полез чмокать меня в щечку меня на прощанье, и помахала ему ручкой.

Вы, наверное, думаете: вот почему я так не жалуя этого Колю, но столько могу ему позволить, ну, там, за ручку взять, поцеловать в щечку... и то, на прощанье, нет, конечно же, это не из-за экзаменов. Раньше, где-то в середине года, мы с ним встречались. Все бы ничего, но я быстро поняла, это не то, что искала. Уж очень он предсказуемый, не догадливый, никогда не сделает первого шага, слишком пассивен. Если хочется сюрприза, то нужно дать ему исчерпывающие указания: во сколько и где стоять, что держать в руке и откуда именно неожиданно выпрыгнуть, а иначе ни за что не дождешься и сам никогда не догадается.

Нет, конечно, может через несколько лет этот умник и измениться, институт сделает из него человека, но это будет не скоро. А мне-то надо сейчас! Многие девчонки просто сошли на нет, зеленели от любопытства и зависти. То и дело

слышала: "Машечка, скажи, как тебе удалось закадрить медалиста?! Он был таким жадным, неразговорчивым, тихим, все время ходил особняком. Ты просто сделала из него человека (это я-то оказывается!), и списывать дает, и шутит, и со всеми такой милый, общительный, просто душа. Как тебе это удалось? Поделись секретом". Как удалось, как удалось, не знаю, особых усилий не прилагала, а вот как теперь отделаться от этой «душки», ума не приложу. Я по натуре мягко-сердечная, и прямым текстом послать не могу, поэтому можете меня считать великой мученицей Марией Черепашкой. Но мягкая, я только в делах сердечных, а если кто посмеет обидеть, то сам же об этом и пожалеет. Если надо, то могу постоять за себя, не хуже любого мальчишки. Что порой и не нравится представителям противоположного пола. Вот и Колька: все замечательно, а отшить не могу, хоть режьте. Хорошо хоть последний год учимся, а там разбежимся по разным институтам... Ой, дожить бы до этого дня.

Куда я еду? Не знаю. Ладно, день хороший, погода приятная, погуляю по городу. Правда, одета я не для прогулок. Сегодня был «открытый урок», приезжали какие-то американцы, и директор решил показать, какие умные и прилежные детки учатся в его школе. И, благодаря моей мамочке, я была при параде: дорогой костюм (коротенькое платьице с пиджаком) нежно абрикосового цвета, туфли-шпильки и сумочка, по цвету полностью гармонирующим с костюмом. Поэтому я сейчас скорее походила на бизнес леди, чем на ученицу

одиннадцатого класса. Странно, почему каждой девчонке до восемнадцати лет хочется выглядеть старше чем есть на самом деле, а потом наоборот? Есть над чем подумать.

Ехала долго, честно говоря, даже не берусь сказать, сколько это было по времени. Задумалась. В принципе, проблемы которые посещали мою голову, назвать таковыми сложно, но, на мой взгляд, они были глобальны: как бы умудриться сдать экзамены, да так, чтобы без большого количества троек; как отделаться от Кольки, не повредив его ранимую душу; как сказать маме про очередную двойку и не бояться за последствия, и, наконец, куда я еду? Вопросов много, ответы отсутствуют. А жаль.

Когда мне, наконец, наскучило кататься в переполненном автобусе, и я вдруг начала бояться за целостность своих туфель, почувствовала, что катастрофически не хватает воздуха и... мороженого, меня вытолкали, в прямом смысле слова, из этого «замечательного» вида транспорта. Оглядевшись, поняла, что впервые вижу эту часть моего любимого города. Согласна – мало гуляю по Петербургу. Обещаю, кстати, это исправить, как только появится возможность. Именно поэтому стояла в полном непонимании и глазела на каменные строения, слегка попорченные временем, что, впрочем, придавало им какую-то таинственную красоту.

"Ладно, гулять так гулять. Давно собиралась. Вот скажи спасибо Кольке. Нашла новую улицу, вот и любуйся на здоровье. Сейчас найду лоток с мороженым, и продавщица раз-

богатеет на несколько десятков рублей. Эгей, тетя, ты где?" Но ни тети, ни кого-либо еще, не наблюдалось. Наверное, глупо, но я не знаю, почему села на скамейку, что находилась около одного из подъездов (хотя дом больше походил на дворец, такой красивый, большой, с различными каменными узорами), благо под сенью большого дерева, что создавало иллюзию беседки. Прикрыв глаза, толком-то и расслабиться не успела, как услышала приятный голос молодого человека:

– Снежанна? Это вы?

Открыв глаза, я чуть было не упала с этой самой скамейки. Передо мной стояла мечта всех девчонок... Сон? Нет, это слишком чудесно, чтобы быть сном. На меня смотрел молодой человек лет двадцати – двадцати пяти, слегка наклонившись вперед, чтобы заглянуть прямо мне в глаза, а взгляд... столько нежности сокрыто в этих изумрудно-зеленых глазах, окаймленных черным бархатом ресниц. Я чувствовала, что просто таю (как это на меня не похоже!). Высокий, спортивного телосложения юноша, с темно русыми волосами, которые мягкими локонами спускаются вниз и едва касаются плеч... ну чем не мечта, не сон, не сказка? Да еще и обращается ко мне, по моему тайному имени!!!

Тут я поняла, что сижу, глупо улыбаясь во все свои тридцать два зуба и, пялюсь на бедного парня. Он начал уже смущенно выпрямляться и коситься в сторону, явно думая, что мне напекло головку. Нет, мой хороший, так просто ты от меня не уйдешь!

– Да, я Снежанна, – как можно спокойнее ответила, и постаралась придать своему голосу самые обворожительные нотки, на какие только была способна, – откуда вы меня знаете и... с кем имею честь? – Мне было интересно, откуда он узнал, мое второе «я».

– Как я рад, что не ошибся. Ядвига Маркатовна, говорила, что вы будете очень красивы, но чтоб на столько... – С этими словами, он с какой-то особой не наигранной грацией наклонился и поцеловал мне руку! Никто, никогда такого не делал! Я растерялась. Наверно это сильно бросилось в глаза, так как он смущенно добавил, – простите мою бестактность...

– Нет ничего, я... Ядвига? Макаковна? Что-то не припомню... – попыталась сменить тему.

– Маркатовна! Да, это и не важно, наверное... забудьте.

– Нет уж. Какая-то Ядвига, – мне почему-то она сразу не понравилось, – с причудливым именем отчеством, рассказывает, молодому-симпатичному, про меня, а я ни слухом, ни духом? Ой, это, наверное, какая-то ясновидящая, которая нагадала нам встречу, да? Что-то вроде цыганки?

– Ну, что-то вроде этого...

– Да ты не смущайся, мне очень приятно, честное слово! Со мной еще никто не знакомился таким способом.

– Да? – искренне удивился юноша. Мне кажется или он тормозит?

– Ну, да, ты меня нашел, и все будет хорошо. – Тут уже

он уставился на меня с полным непониманием. – Может, пройдемся? Прогуляемся, поедим мороженого, ты мне расскажешь, что это за улица, что ж тут в тенечке сидеть, мало ли, что о нас подумают сердобольные старушки, они только на вид ангелоподобные, а на самом-то деле им лишь бы посплетничать! После сериалов, это их любимое занятие. Разве я не права?

– Меня предупреждали...

– Ой, наверное, эта склерозница-прорицательница, что-то напутала, о чем же тебя предупреждали?

– Снежанна, я вас искренне прошу меня послушать...

– Ну не здесь же. – Я кокетливо опустила глазки. – Пошли, пошли. Скажем, в кафе-мороженое, ты любишь мороженое?

С этими словами я подхватила под локоток вконец ошалевшего молодого человека. Не знаю, что на меня нашло, но уж очень хотелось поближе с ним познакомиться. Думаю, что на моем месте, любая девчонка поступила бы точно также. Он был симпатичный, милый, с такой завораживающей, немного смущенной улыбкой... только вел себя как-то странно, а, в общем и целом, очень даже ничего. Никто не совершенен и у каждого должны быть свои недостатки. Я вот готовлю не важно, к примеру, и моим фирменным блюдом можно считать яичницу с бананами и колбасой, которую кроме меня никто есть более не может.

– Вот, по-моему, и кафе. – Мы остановились перед дверью с малопривлекательной вывеской, на которой кот в сапогах

с жадностью поедал стаканчик с чем-то смутно напоминающее мороженое.

– Послушайте же меня, наконец! – красавчик остановился и ни в какую не хотел идти дальше.

– У тебя денег нет, да? Ну, это ничего, я заплачу и за тебя, конечно это...

– У-у-у, – парень схватился за голову, и я подумала, что еще чуть-чуть, и он заплачет.

– Слушай, а звать-то тебя как? Знаю, что вопрос немного не в тему, но у нас пока состоялось одностороннее знакомство.

– Ардалион. – Сказал он, опустив голову.

– Шутишь! Вот это да! Какое красивое, редкое, старинное имя. Оно почему-то у меня ассоциируется с эпохой крестовых походов, рыцарства, драконов... У тебя просто замечательное имя. Ты у меня первый знакомый Ардалион. Звучит-то как мужественно! А ласково, это как? Ардалиончик, Ардюся, Дюся, Арчи... Нет, это уже похоже на Арни, а Арни – это Арнольд...

– Пожалуйста, прекратите надо мной издеваться! – Взмолился бедный парень. – Ты действительно, очень красива, но твой язык, твои повадки до добра не доведут. Ты подобна русалке, которая своей красотой завораживает одиноких путников, губя их души...

– Это камень в мой огород?

– Нет, комплимент в твою грядку!!! – по-моему он начи-

нал нервничать, раз так резко перешел на «ты».

– Ну знаешь ли... я же ничего еще и не сказала, не сделала, зачем же ты так плохо обо мне отзываешься. Ты даже толком-то меня не знаешь. Я на самом деле очень хорошая, поверь мне.

– Наверное, все может быть, но Ядв... – он запнулся, посмотрел по сторонам, достал из кармана перстень с большим желтым камнем и, надев его мне на средний палец, сказал, – Прощайте, Снежанна...

– Мы уже прощаемся? Почему? А как же кафе-мороженое? Я еще тебя увижу? Зачем же так торопиться, времени полно... – Тут позади меня раздался собачий лай и кошачье мяуканье. Я обернулась, чтобы увидеть виновников переполоха. Какая-то дворняжка бегала за черным котом.

Говоря-я-т, не повезе-е-т,
Если черный кот дорогу перейдет,
А пока на оборот,
Только черному коту и не везет.

Почему мне вдруг захотелось петь? Ничего, песенка хорошая, а главное в тему. Но, что удивительно, когда я снова повернулась к странному Ардалиону, его и след простыл!

– Что за чертовщина? Ардалио-о-о-н!!!! А-у-у-у-у!!!! Ты где? Ардалио-о-о-н!!!! – Кричала, что есть силы. Почему-то стало страшно... – Хватит со мной играть! Я не люблю подобные шутки, это уже не смешно, Ардалио-о-он!!! – Но ни-

кто не откликнулся, лишь какой-то мужичек из окошка первого этажа погрозил кулаком. Наверное, у него болит голова.

Я посмотрела на кольцо, хотя его скорее нужно называть перстнем. На фиг оно мне нужно? Это не мой стиль, да и вообще, такое громоздкое, неказистое, камень желтый. Был бы хотя бы голубым, ну или красным, а то ведь нет, на тебе, желтый. Вообще не в тему. Как говорит моя учительница по литературе, разбирая Достоевского на уроке: "Желтый, болезненный цвет, цвет угнетенных и обиженных...". Я не похожа ни на тех, ни на других, ненавижу желтый цвет. Да и что мама скажет? Как я объясню появление этого кольца на пальце (может оно дорогое?). Нашла на улице? Не-ет. Не нужны мне лишние неприятности. Если этот наглый тип думает, что я буду смотреть на колечко и вздыхать о нашей встрече, то он глубоко ошибается. У меня есть, чем занять свои мысли. Экзаменами, например. А может он его украл, и решил таким способом спрятать? А потом разделается как с нежелательным свидетелем? Вряд ли, конечно, но в наше время все возможно. Я взялась за кольцо, потянула и... ой, мамочка, оно не снимается. Что ж делать-то?

* * *

– Я слушаю тебя.

– Я все сделал, как вы приказали. Ровно в пять часов, на странной улице без людей, подошел к скамейке укутанной

лиственной. На ней сидела девушка в странном одеянии и... туфли, странные такие, в них воткнуты спицы, зачем-то...

– Дальше. – Голос женщины был с небольшой скрипотой.

– Я спросил, она ли Снежанна, и когда девушка открыла глаза, то понял, что не ошибся...

– Да?

– Да. Как вы и говорили, она красива, даже очень. Стройная...

– Так. – Какое-то недоверие и плохо скрытая нервозность скользнула в ее интонации.

– Большие светлые глаза цвета неба, светло-русые волосы, в которых солнце играло своими лучами, и они радужно искрились золотыми бликами... – он немного подумал, как бы подбирая слова, – да, именно так.

– Не отвлекайся, – ее тонкие, почти костлявые пальцы с такой силой впились в трон, что побелели.

– Они были распущенны, что естественно неподобающе для девушки, но там другое время, поэтому не берусь судить. Длина... чуть ниже плеч. Певучий, нежный голос... Вот, только, манера говорить, себя вести... слишком раскованно, немного вызывающе, очень настойчивая... Она слишком беспечна, что ли...

– Так значит, ты говоришь глаза цвета неба?! Русые волосы, почти блондинка, как я понимаю?! – Ядвига Маркатовна как будто все остальное и не слышала.

– Да...

– И ты ей отдал кольцо?!!!! – она сжала кулаки, что не предвещало ничего хорошего.

– Но вы приказали! – рухнул на колени бедный Ардалион. – Что в этом месте, девушке с прекрасным именем Снежанна, я должен передать магическое кольцо!

– Остолоп, идиот, безмозглая курица, – женщина приподнялась из-за стола, подняла руки над головой, и заиграла зеленоватыми молниями, как мячиками, – ты дал кольцо не той девушке!!! Ты понимаешь, что теперь может произойти, карась лупоглазый... индюк общипанный... – с этими словами, она начала один за другим швырять в него электрические шары.

Бедный парень, бегал по огромной зале, тихо оправдываясь, что, мол, и инструкции были не полными, и он никогда не видел эту Снежанну, полотна с портретом к инструкции не прилагалось, не мудрено было обознаться, и, что вообще не он виноват, а та девушка, что назвалась этим именем. А если она тоже Снежанна, опять же, его вины в том нет, что в этом ужасном мире их так много!

* * *

Я вернулась домой не в лучшем расположении духа. По дороге, купив бинт, замотала палец, он стал очень большим, толстым и совсем некрасивым. Надо будет попробовать снять это чертово кольцо с мылом.

Дома все как обычно. Мама суетиться у плиты, готовит свои фирменные блинчики, папа смотрит футбол, Муся спит. Маруся, так ее полное имя, это единственное существо, которое меня понимает: и выслушает не перебив, и помурлыкает, когда плохо, и успокоит, когда плачешь, и... в общем, самая замечательная кошка на свете. И вот, оказавшись в своей комнате, молниеносно сняв пиджак и туфли, я скорее побежала в ванную. Надо просто хорошенько намылить, и снять, во что бы то ни стало, этот подарочек. Ан, нет. Оно как будто вросло в кожу, даже не двигается и не вертится. Нет, это ж угораздило вляпаться!

– Милая, тебя к телефону, – сказала мама.

– Иду, – я быстро обмотала палец марлей и побежала к телефону.

– Да. Слушаю.

– Привет Маш. Ты уже пришла, а что ж не звонишь? Мы же договаривались, – обиженно проговорил Колька и засопел в трубку.

– Я только вошла в дверь, даже еще не разделась...

– Вот и отлично! Не раздевайся. Я с сотового звоню, а нахожусь почти около твоего подъезда. Сейчас зайду.

– Угу.

Повесив трубку, тихо опустилась на табуретку. Вот почему мне так не везет? Спрашивается, за что? Может я встала не с той ноги, не под тот парад планет и пик затмения луны и солнца? Довести мысль до конца мне не дали, так как раз-

дался настойчивый звонок. Неужели так быстро? Ну, блин, спортсмен.

– Мам, это меня, Колька. Мы с ним идем гулять. Вернусь не позже одиннадцати, ужин можете не оставлять, ты же знаешь, после 18 часов – не ем, нужно еще сбросить пару килограммчиков.

– Маша, хватит молоть чушь и иди открывать дверь, Коля уже заждался, а пару блинов все-таки съешь!

Несправедливость, вот не хочет меня никто понимать. И Колька этот... нет, сегодня я все ему скажу, всему есть предел, мои нервы тоже не железные. Экзамены сама сдам, своя голова есть на плечах, набитая отнюдь не опилками. Ну не могу больше мучить ни себя, ни его!

Открыв дверь, от удивления моя нижняя челюсть отвалилась, наверное, до коврика, что лежит под дверью. Нет, на пороге стоял не Семенов, далеко не он... стоял Ардалион!

– Как... как ты меня нашел?

– Ядвига...

– Ты опять ходил к этой Макаковне? Сам понял, как нехорошо поступил? Знаешь, если сначала я сомневалась в ее паранормальных способностях, то теперь, скажу: тетя с такими возможностями, просто опасна! – Переведя дух, я подумала, если она такая всемогущая и всезнающая, то, почему же не сказала мое настоящее имя? О! Все правильно! Она поняла, что мне оно жуть, как не нравится, и... гениально! – Ардалион! Я хочу с ней познакомиться! Может и мне она, что

интересное скажет? Ну... там будущее, и все такое, а? Как ты думаешь.

Парень, смотрел на меня уже с каким-то сожалением. Так смотрят только на серьезно больных, или сильно ушибленных на голову.

– Я что-то опять не так сказала, да? Прости... только не уходи... вот так, как в прошлый раз. Хорошо? Ну, что ты молчишь, скажи, хоть что-нибудь!!!

– У меня просто не было возможности, сказать хоть слово, когда говорите вы... это не возможно... и...

– А хочешь, я помолчу? – увидев его утвердительный кивок, и жалкое подобие улыбки, то начала понимать, что способность в ясновидении присутствует не только у этой великой Ядвиги, на которой он так заиклился! – У меня идея. Пока не пришел... м-м-м... пойдём погуляем, а? Отличненько!

В лифте он почему-то отказался ехать, обозвав драконьей пастью, чертовой клеткой, адскими воротами! Ага. Может, его в детстве кто напугал там, или застрял на несколько суток? Ничего, бывает и хуже. Что ж, пришлось с двенадцатого этажа спускаться пешком, полезно, а ему, судя по накаченному торсу – не привыкать.

Мы вышли во двор и, потихоньку пошли в парк. Он молчал, что ж, я сказала, что тоже буду соблюдать тишину. Когда мое терпение подходило к концу, а язык чесался до невозможности, юноша заговорил:

– Снежанна, я должен вам сказать, что-то очень важное...

– Если она сказала, что мы поженимся, а ты не хочешь, можем, конечно, и не жениться... но, ты ведь просто плохо меня еще знаешь...

– Мы должны?! Кто сказал?..

– Ну, эта твоя, гадалка.

– НЕТ!

– Хорошо, хорошо... и нечего кричать... – я сделала обиженное лицо. Ну, там, губки надула, опустила глазки, тяжело вздохнула, но этот... непробиваемый... даже внимания не обратил. Нахал! Что ему вообще от меня надо? – Ладно, говори, что ты хотел спросить, или сказать?

– Спасибо что дали слово...

– А ты мне тут не язви...

– Я не из вашего мира... – замечательно, он еще сейчас скажет, что прилетел с другой планеты к нам на Землю, для подписания межгалактического союза... тьфу ты, черт, ну почему мне так не везет на нормальных парней?

Либо инфантильный, либо псих, третьего не дано.

– Угу, и?

– Меня послала...

– Да знаю уже, знаю, ну, послала она тебя. И что, прямым текстом к нам, на землю? То есть ко мне – так? Я буду посредником от землян...

– Вы мне не верите? Да?! Миров, на самом деле очень много! И я... в общем, мне нельзя с вами долго говорить.

Отдайте кольцо.

– Вот оно в чем дело. Так бы сразу и сказал. А то начал тут про потусторонние миры, жизнь вне планет. Зачем? Хм. Неужели я так похожа на наивную девочку, которая поверит в эти сказки? На самом деле, просто бы попросил, а то – понапридумывал... А где, пожалуйста? И вообще, оно не снимается, вот. Не фиг надевать кольца кому попало, надо было сначала размерчик уточнить, у меня, между прочим пятнадцать с половиной, а это тянет на...

– Этого не может быть! Оно не могло...

– А вот на, попробуй-ка, сними! – Еще и не доверяет, каков наглец!

Как можно больше обиды вложив в свой голос, я протянула ему руку, и тут раздался голос Кольки:

– Не трогай ее!!!

Вот те и заступник. М-да, всегда так, когда не надо, он тут, как тут. Я вообще-то и сама могу за себя постоять. Спасибо папочке. Ходила в секции по самообороне. Ну не вмешивайся ты! Ардалион сначала вздрогнул, а потом принял гордую позу около меня.

– Это ваш рыцарь? – с небольшим удивлением спросил он.

– Нет... ты все не так понял... я сейчас объясню... – пока он бежит сюда, у меня есть время выкрутиться, только бы этот Коля не назвал меня Машей, хотя, какая уже разница.

А этот недотепа подбежал, и закатил мне сцену ревности! Нет, это надо же! Смешно!

– Что здесь происходит? Я хочу знать, что тут творится! Зачем ты меня обманула? Мы же договорились, что пойдем вместе гулять. А если не могла или не хотела, что, трудно сказать было?

– Николай, прекрати!

– Позвольте, молодой человек, я...

– А ты вообще молчи, тебя никто не спрашивает! Что, думаешь, нарастил гору мышц, так все девчонки за тобой бегать будут? Знаешь такое: сила есть, ума не надо?

Он, что, нарывается? Мозги-то есть? Вон, Ардалиончик, уже краснеет, сейчас как врежет.... Но дальше, произошло то, чего я вообще не ожидала. Сжав кулаки, Колька пошел на качка. Это было похоже на сцену схватки Давида и Голиафа, Ардалион шире и выше медалиста раза в три, и ка-а-ак врежет ему между глаз...

– Коля... не смей... обижать человека!

– Обижать? Да я ему!..

Ревность глаза слепит и забирает последние мозги... завязалась драка, я, как мать-гусыня над потомством, бегаю вокруг них, правда в гущу событий предусмотрительно не лезу, все равно без толку, так как сделать абсолютно ничего не могу, справятся и без моей помощи. А вот парочка советов...

– Коля... уши не тронь... у него красивые уши... это большая редкость для юноши... Ардалион, будь мужчиной, прекрати этот детский сад... нос оставь... я, конечно, понимаю,

что он у него длинноват, но ведь это не причина оставлять молодого, еще совсем юного, можно сказать зеленого парнишку без носа, у него будет не завидное будущее. Коля... Коленька... ну, что же ты как маленький... зубки попортишь, **ОСТАВЬ ПУГОВИЦУ В ПОКОЕ!!!** Сам подумай, легко ли ее пришивать, а?! Ребята, миленькие, ну прекратите... ну, прям как дети малые...

– Снежанна, – сквозь зубы, даже не проговорил, а прорычал "инопланетный гость", – шла бы ты в деревню к матушке и не путалась...

* * *

– Ты забрал кольцо? – Спросила королева, сидя на троне, напряженная, как струна.

– Оно не снимается...

– Врешшшшь, – ее глаза превратились в щелочки, слово – в шипение. Женщина стала похожа на змею, – подло врешь, оно срастается с человеком, лишь в том случае, если он избранный! И ты это прекрасно знаешь! Этого не может быть!!!

– Я сам проверял, – Ардалион опустил глаза, делая вид, что упорно рассматривает носки своих сапог.

– Хорошо, где эта девчонка! Я хочу ее видеть, и знать, почему кольцо сделало такой выбор.

– В том-то и дело, произошла маленькая загвоздочка...

– Не прячь от меня глаза! А... у... у тебя синяк?

– Он сказал, это называется фингал... фонарь... – гордо сказал Ардалион.

– Меня не волнует, как это называется!!! Кто он... ты... ты подрался?

– У меня не было выбора... – уже смущенно проговорил юноша, – он первый начал, а я защищал свою честь в рукопашную, шпагу ведь брать запретили...

– Так, замечательно. Нет, сегодня же сто плетей тебе еще вдобавок дадут, чтоб на всю жизнь запомнил... но, я могу и смиловаться, если ты мне скажешь, где девчонка с кольцом. И если ты приведешь разумные доводы, почему у нее оно не снималось, я даже обещаю не ругаться...

– Понимаете... моя королева... произошла небольшая ошибка... она исчезла...

– Куда, уехала к родственникам?

– В каком-то роде... Когда я...м-м-м...был занят... когда... пытался доблестно снять кольцо без нанесения ущерба здоровью, ни себе, ни девушке... А тут прибежал ее рыцарь и начал меня... то есть я его... ну... мы вместе... немного подрались. А, сами понимаете, в такой обстановке, много чего могло вырваться, а она мешалась под ногами... и я ее обозвал, нет, вы бы слышали, какими словами называл меня этот...

– Говори яснее.

– Эти слова не для ваших нежнейших ушей, – он как мог,

пытался потянуть время, заговорить зубы... но, как только увидел, что в руках Ядвиги Маркатовны собираются зеленоватые молнии, тут же прокричал, – Я обозвал ее, то ли крестьянской курицей... то ли... и послал... на деревню к матушке...

– ??? – от удивления, женщина не могла первые секунды произнести и слова, даже молнии лопнули с возмущенным «шлеп».

– Понимаете, я...

– Ты... сказал ей заветное слово? Слово, начала перемещений? Ты... да как ты посмел?!?... Только не говори, что оно сработало... этого не может быть, она же не избранная!!!

– Да... я... и думал... а она...

– Исчезла.... Этого не может быть. Что за девчонку ты нашел? Ее надо уничтожить... но... сначала... найти.

Глава 2

... Ясен передо мной

Конечный вывод мудрости земной:

Лишь тот достоин жизни и свободы,

Кто каждый день за них идет на бой!

Гете «Фауст»

Странное ощущение: как будто тебя пронзают сотни... тысячи мелких иголочек, нет, не больно, а щекотно, даже приятно. Я закрыла глаза, и улыбнулась. Ну и пусть себе дерутся, мне и без них хорошо. Вот и прошло все. Эх, лето! Лето... Лето? Мамочка... Нет, этого не может быть...

Представьте себе такую картину: вы стоите посреди парка и смотрите на дерущихся парней, как вдруг, становиться хорошо-хорошо, так, что даже от удовольствия закрываете глаза... а вот когда открываете... вы прибываете в таком состоянии, с чем бы сравнить... с атомным взрывом... да, точно, который вас сейчас разорвет. Конечно, имеете все основания сказать, что ничего особенного и не случилось. Может подобные вещи происходят с вами по пять раз на дню. Просто я перенеслась, наверно это так называется, в век, этак, пятнадцатый, а может десятый, или вовсе в пятый, может даже до нашей эры (ну, это я явно загнула), всегда была крайне слаба в истории.

То, что мне стало плохо, это мягко сказано. Я оказалась

посреди какого-то двора, рядом с большим деревянным домом, обнесенным огромным, метра на два в высоту, забором. Не поверите, когда я посмотрела на себя... я была одета в голубой сарафан! Откуда он взялся, ума не приложу, так он, ко всему еще, был длинным! Никогда не носила одежд до пят, я предпочитаю мини, ну или, на крайний случай, брюки, а тут... Плюс ко всему, мои волосы, как-то сами собой удлинлись, и сзади, были заплетены аккуратненько в косу, достающую мне до... в общем, чуть ниже пояса, естественно, перевязанную голубой лентой.

Может, я сплю? Говорят, что в таком случае, нужно просто ущипнуть себя, помогает. Стало больно, но не легче. В довершении всего этого события, когда я была уже готова упасть в обморок, или на худой конец расплакаться, раздался голос, полный отчаяния и радости одновременно:

– Машенька, доченька моя родненькая! Мы уж и надежду всякую потеряли!!!

Обернувшись, я увидела женщину необъятных размеров, одетую в синий бархатный сарафан, в обтяжку! Фу, безвкусица какая! Она, раскрыв свои объятья, уже спешила ко мне, но при этом медленно и степенно спускаясь с лестницы. Что ж подожду тетю, может она мне объяснит... но это не повод называть меня доченькой, своя мама имеется. Вот только бы узнать, где она? Эта женщина спустившись, подбегает тихонько семеня ножками и заключает меня в объятья, при этом всю покрывая слезами и слюнявыми поцелуями. Навер-

ное, она очень рада, вот только я стою дура душой и ничего не понимаю.

– А мы-то уж и надежду всякую потеряли. Все говорят, в лесах-то наших разбойники обзавелись. А ты-то, дитячко ма-а-ленькое, ведь нет, понадобилось же идти зачем-то на ярмарку в город. А мы-то все ждем и ждем, а тебя нет и нет... Думали либо волки разорвали, либо лешие в болото завели, либо разбойники поубивали... А Палашка-то где? Неужто... молчи... не надо произносить этих слов... Бедная девка... молода была... ничего, мы тебе другую найдем. Главное ты, жива здорова!

Вот те и на. Делать-то что? Эта женщина и слова мне сказать не дает. Думаю, у нее что-то с психикой. Для таких вот, построены специальные здания, называются больницы для душевнобольных, чтобы от людей изолировать, ну и лечить, потихонечку! Может она буйная? Главное не перечить. Что ж, вероятно, в доме найдутся нормальные люди, которые смогут мне все спокойно, без истерик объяснить.

Но все оказалось намного хуже! Как только переступила порог, все кто находился в «хоромах» бросились на колени и стали, кто плакать, кто молиться. Вот такого поворота событий, я не ожидала. По-моему, тут у всех как-то разом замкнуло в голове. Или это со мной, что-то не так?

История моя прояснилась позже, благодаря еще одной девке Палашке, надо отдать должное довольно болтливой, которая поведала всю историю моей короткой жизни с само-

го рождения, естественно, как только все успокоились. Правда мне пришлось пойти на банальный обман. Сказала, что пока в лесу убегала от плохих дядек, стукнулась лбом об дерево, вот и получилось – тут помню, там не помню и, что неплохо бы возобновить информацию о семействе. Девчонка поверила в сказку безоговорочно.

Чтобы хоть немного прийти в себя, и чтоб оставили в покое все понабежавшие люди, мне пришлось сказать, что очень устала, сражаясь с браконьерами и необходим как физический, так и психологический покой. После этого, меня практически причислили к лику святых, и отвели в опочивальню.

Так вот она, история этой бедовой семьи умалишенных. Давным-давно в одном большом городе, который со временем разрушили враги, жил-поживал и добра наживал мой папа... пока не встретил мою маму, ну... в смысле зажили они теперь вдвоем и вдвое лучше. Маманя моя была очень красивой, стройненькой. Видно после родов гармоны разыгрались. Долго не было детей, пока в... (возраст утаивается) не появилась я. Единственная и неповторимая, то есть не смогли они больше повторить сей подвиг. Нет у меня ни братиков, ни сестричек. Поэтому баловали ребенка и так и этак. Но, со временем наш род обеднел немного. И теперь вся надежда на богатого и завидного жениха. А так как невеста на выданье, да еще и со смазливенькой моськой, медовым цветом волос – от парней нет отбоя!

Мне кажется именно поэтому «моя мамаша» так слезами заливалась. Не хочется ей выезжать из этих хором. Тьфу ты, что это я несу. Она ведь считает меня своей дочерью. А какой матери наплевать на жизнь своего чада? Жаль только ее огорчать, что я не настоящая, то есть не ее ребенок.

Итак, на повестке дня стоят вопросы: где настоящая Маша? Зачем, а главное, как и куда именно попала? И... дальше-то, что делать?

* * *

Утро следующего дня у меня выдалось насыщенным. Где-то, примерно, в девятом часу, не могу сказать точно, по одной простой причине, что часов у себя дома они не держали, ориентировались по петуху и солнцу. Так вот, прибежала моя новоиспеченная мама и начала кричать, что-то типа того, что я соня, петухи давно пропели, солнышко встало (ну, что я говорила?), а я все лежеботничаю. Но мне эти прихоти прощаются, так как приходили сваты, смотрели мою обувь (как я позже узнала, это у них вместо медицинской карточки, как туфли стоптала, такие у меня и отклонения; например: если на пятку стоптано, то у меня родовая болезнь). Никогда бы не подумала, что такое бывает. Смотрели подушки, которые я якобы сама вышивала, своими бело рученьками, и были вполне удовлетворены и тем, и другим. Ближе к обеду придет и сам жених. Ничего себе, новости. Я еще и невеста,

без моего же ведома! А где ухаживания, ну там, цветы, конфеты, походы в кино? На те здрасте, пришел, увидел, победил, так получается, что ли? Тоже мне нашелся, Юлий Цезарь! Ну, нет уж-ки, ничего не выйдет, я вам устрою такие смотрины, что мама не горюй!

Через час, когда я уже оделась, заплела косу (будет время – обрежу ее на фиг, не удобно, да и, никогда не ценила я волосы ниже плеч, это выглядит как-то... глупо, для слишком правильных девочек), меня вызвали в зал. Там стояли какие-то старушки. Увидев, что я уже вошла, начали судорожно шептаться, поджигать какие-то травки и бегать вокруг меня. Ладно, я тоже пыталась пританцовывать им в такт, но родственнички так цыкнули, что мне пришлось стоять как вкопанной. Мало ли что, может это повредит моему здоровью. Позже, когда все успокоилось, я то уж думала смогу посидеть в одиночестве, поразмышлять, составить план отступления... Ага, размечталась. Отвели меня наивную в какой-то закуток и начали наводить «красоту» на моем личике. Зачем-то стали тереть щеки чем-то красным. Якобы это модно. То есть девушка становится более обворожительной, загадочной, стеснительной (румянец от смущения)... да она клоуном становится!!! Чучелом гороховым!!! Нет, тут уж я не выдержала.

– Вы, что же, издеваетесь надо мной? Нет?! Да на кого же я похожа, а?! Наверное, одно из ваших тайных желаний, чтобы жених увидел и убежал? Я правильно поняла?

– Что ты, деточка... А! Нервничаешь, да? Ну, не надо переживать, ему сразу понравиться, ты не можешь не понравиться. Вон у нас какая красивенькая... – промурлыкала одна из старушек, что делала «обряд».

– Ага, и вы это решили исправить. Ну, скажите, как я могу выйти в таком виде?

– Не волнуйся, дитячко-о-о, – пропела другая старушка, протягивая руки с этой гадостью свекольного цвета к моим и без того уже красным щечкам, – будешь у нас принцессой, королевой...

– Огорода? Помоек? Цирка? Бензоколонки?

– Чего?

– Чего, чего? Бабульки, идите отсюда подобру, поздороваю, а не то... я... сами у меня станете королевами да принцессами! Да такими, что любое пугало огородное завидовать будет до конца сенокоса!

Ругались мы долго и, когда мой глаз стал уже заметно дергаться, эти милые женщины, неопределенного возраста, принесли нечто... мерзкое, желеобразное, белое, плохо пахнущее, с единственным желанием намазать мое и без того уже измученное лицо. Что они к нему привязались? Может форма не та? Или бледная я очень? Но это уже мои проблемы! Попью витамины и побольше погуляю на свежем воздухе. Как только экзамены сдам. Да, кто они такие, чтобы мне указывать?! Оказывается, эта гадость, называлась медвежий жир, что очень полезно для кожи. Все, это было последней

капель, этого уже не вынесу. Один запах чего стоит.

Вытолкав сердобольных старушек за дверь я первым делом сорвала с шеи бусы. Они были настолько невыносимо тяжелыми, что вмиг почувствовала себя «муму». Вообще ненавижу подобного рода украшения. Маленькие и большие бусинки покатались с шумом по деревянному полу. Нечего разбрасывать кругляшки по полу. Может, потом пригодятся? Быстро собрав их в какой-то кожаный мешочек, первый попавший под руки, я пошла смывать с себя «красоту». Эх, сюда бы мою косметичку, я бы показала им настоящего фешн-бьюти-блоггера.

Гордой походкой, про такое, наверное, говорят: "Выступает, будто пава...", вот-вот, именно такой походкой я попыталась вплыть в зал, где за дубовым столом, который ломился от яств, восседали дорогие гости. Меня усадили напротив какого-то прыщавого задрипыща, вечно что-то шепотом спрашивающего у мамы. А мамаша его... да, хорошего человека должно быть много. Наверное, эта женщина очень, ну просто очень-очень, хорошая. Вот она как раз и не побрезгала натереть щеки той красной ерундой. Сидела в розовом сарафане и большом кокошнике с кисточкой.

– Ну, гости дорогие, прошу откусать, что Бог послал, – сказал мой «папа», стоявший во главе стола, поклонился и сел обратно. За все это время, только сейчас смогла рассмотреть его получше. Именно таким я представляла мужчину престарелого возраста на Руси: немного худоват, с большими

ми и сильными руками, с совсем седой головой и окладистой бородой. Вот только глаза, такие живые, веселые, яркие, карие... мне он сразу понравился, вот только, по-моему, в доме он находится под пятой мамани. Эх, такие ж мужики – вымирающий вид, их беречь надо, прислушиваться к каждому слову и записывать в отдельной тетрадке в графе «Афоризмы великих», для потомков... А они тут... поразвили матриархата.

Она тоже встала, поклонилась, провела рукой над столом, как бы показывая: "Кушайте, гости дорогие, Бог нас сегодня не обидел".

Да, видно владыка вселенной, в этот день был очень щедр, так как чего только на столе не было: начиная с уточки и поросенка, зажаренного целиком и с наливным яблочком под пяточком, заканчивая винами да салатиками. Мамаша, моего суженого-ряженого, уплетала за обе румяные щеки, а вот сынуля, походу дела был не голоден, и, опустив глазки, что-то ковырял ложкой в тарелке. Странно, а вот выпить не брезговал, или просто отказаться стеснялся. В любом случае, бокал его никогда не пустовал. Мои родители сидели и, не замолкая, рассказывали какая я хорошая, замечательная, ну просто не девочка, а ангел сошедший с небес, да еще и плюс ко всему: работающая, внимательная, покорная. Кстати, именно когда произнесли это слово, мой жених отвлекся от бокала и довольный донельзя, что-то сообщил своей маме, а потом быстро куда-то вышел. В свою очередь, по цепочке,

его мама, что-то прошептала на ушко моей, и с чувством выполненного долга, впиалась жемчужными зубками в румяный бок поросенка.

– Машенька, солнышко, подойди ко мне, милая. – Мамуля меня поманила толстеньким пальчиком, и я как «покорная» дочь пошла на зов. Надо же соответствовать рекламе, хотя бы первые пару минут.

– Да.

– Поди, за дом. Ванечка, юноша стеснительный, а ты ему страсть как понравилась. Народу-то много, вы и поговорить-то не можете. Иди, иди за дом. Да смотри, не обижай малого, слово не то скажешь, косоньки-то повыдергиваю. – Проговорила все это она с такой змеиной улыбкой, что у меня мурашки по спине пробежала.

– Все, намек понят. Я пошла.

Так, хорошенькое дельце. Можно сказать, в моем же доме, мои же названные родители мне угрожают. Может так положено, для дисциплины так сказать? О, времена, о нравы...

Выйдя за дом, я не обнаружила ничего интересного. Справа сарай, с лева сеновал, прямо ворота. Но вот за воротами, простирался чудесного вида сад, а там, где он кончался, начинался лес. Издали, он был похож на темно-зеленый туман, которому не видно ни конца, ни края.

Странно, почему этот «скромный» юноша Ванечка, прислонился именно у сеновала? Я тихо подошла к нему.

– Здравствуй. Будем знакомы – Маша. Нас ведь так и не

представили.

– Ага, – тут он улыбнулся... когда кто-то сказал, что улыбка красит человека, он явно не подразумевал этого Ваню. Сказать, что зубы были кривые, ничего не сказать. Как будто их сначала кто-то пожевал, а потом в беспорядке выплюнул пареньку прямо в рот. Да и про жвачку, освежающую дыхание, или чего-нибудь подобного, он явно не слухом, не духом. Я сама видела, как муха, пролетающая около его рта, упала на землю, когда он выдохнул это "Ага". И мне за него замуж? Не дождетесь!

– Очень приятно познакомиться. – И отступила на шаг назад, так, на всякий случай.

– Ага. – Хм, у него богатый лексикон.

– Молодой человек, слушайте. Вы вытащили мирно обедающую девушку из-за стола, чтобы послушать ее сладкие речи? Или вам было лень дышать свежим воздухом в одиночку? Может все же поговорим? Расскажите, как обстоят дела в школе, не обижает ли кто? Что уж тут, раз пошла такая пляска, можно и на «ты». Рассказывай, не стесняйся, я своя в доску.

– Не-а. Пошли на сеновал!

– Шутка, да?

– Не-а, – и он заржал. Простите за такое грубое слово, но смехом назвать тот звук, что воспроизводил этот человек, очень трудно, язык не поворачивается. Он именно заржал. Громко. Его и без того красная физиономия из-за прыщей,

переходный возраст не иначе, покраснела еще больше.

– Что смешного. Знаешь, это начинает уже надоедать. Я тебе не массовик затейник, чтобы развлекать песнями да плясками. Что стоишь и смотришь? Других слов не знаешь? Я только и слышу, что «Ага», да «Не-а».

– Вот это и плохо, ты слишком много говоришь. Ты должна быть покорной! Так маменька сказала! Ты должна повиноваться мужу.

– Похоже, что-то упущено в моем воспитании. Ты мне не муж, – буркнула я. Мне он уже совсем не нравится. Не хочу быть женой, не буду, я еще слишком молода, жизни не видела, а этот индивид не последний парень на Земле.

– А вот если будешь капризничать я им никогда и не стану, и вы так и останетесь нищими. Ты пойдешь дворовой девкой, и любой барин сможет с тобой делать все, что ему вздумается и когда вздумается.

– Ты мне угрожаешь?

– Не-а, предупреждаю, – и опять заржал, явно довольный собой.

Вот дальше началось самое интересное. Юноша точно не знал с кем связался. После приступа смеха он как-то резко подпрыгнул и, поймав меня за руку, потащил на сеновал. По тем громким песням, смеху и уже пьяным голосам, доносящимся из дома, я поняла, что кричать бесполезно. А сила у паренька оказалось присутствует. Он уже практически затащил меня в дверь как я, наконец, поняла, что пора действо-

вать. Быстрая реакция вот, что главное. Так как нас учили, захват... Я резко перехватываю свою зажатую руку свободной рукой и выкрутила Ванину конечность так, что она оказывается у него же за спиной. Неприятно, больно, унизительно. Знаю, сам напросился.

– Ты чего? – спросил он. Явно не ожидая такой прыти от девушки.

– А ты чего?

– Я? Я всего лишь хотел с тобой поговорить... но, знаешь, уже расхотел, честное слово!

– Вот и славненько. Что теперь?

– Можно я пойду... А-а-ай! Больно!

– Что ты как девчонка орешь. Я же тебя не убивать собираюсь!

– Н-н-ненадо...

– И не собираюсь. Но теперь, слушай меня внимательно. Если не выполнишь того, чего прошу, хуже будет. В случае неповиновения... я... я не знаю, что с тобой сделаю, в гневе девушка опасна, поверь мне.

– Верю, – чуть ли не со слезами на глазах, проговорил мой неудавшийся жених. Он все пытался выдернуть руку, но бесполезно, технику самообороны на ОБЖ я сдала на пять. Так, что парень не на ту нарвался.

– Так вот, ты сейчас идешь в дом и со своей обворожительной улыбкой говоришь мамочке, что все прекрасно, что ты жуть как хочешь на мне жениться и тому подобное. По-

нял?

– Но я... знаешь, уже как-то...

– Я тоже не горю желанием, поверь мне. Но так надо. Обещаю все уладить, довольны останутся обе стороны. Но если ты хоть что-то скажешь не так, – я посильнее нажала на руку, и повыше подняла.

– Обещаю!!! – взвыл парень.

– Вот и ладненько. И последнее, хочу тебе дать один совет. Никогда ты так не завоюешь сердце девушки. Может тебе это и кажется круто, но твоя позиция ошибочна. Пригласи ее в кино, подари цветочки и... пользуйся чем-нибудь спиртовым для протирки лица, на худой конец по старинке огуречной настойкой, говорят помогает. Удачи. Прощай.

– Да... да... хорошо.

Вы бы видели, с какой прытью он убежал от меня. Так усердно, что сначала чуть в дверь не врезался. Супер. Теперь буду грозой деревни. Нет, это не дело. Так дальше продолжаться не может. Повеселилась и будя. Надо обо всем хорошенько подумать. Я медленно пошла в сад. Там было так хорошо. Давно не выбиралась на природу. А тут, воздух такой чистый, что, по-моему, даже мои легкие удивлялись, неужели такое возможно? Ощущение, что только-только прошел дождь, и ты вдыхаешь эту свежесть, пропитанную ароматом природы. Никаких токсичных дымов, газов, бензина... брр... Как я могла дышать там, когда тут так легко и приятно. Это ни с чем не сравнимо... Улавливался запах

травы, еще не созревших яблок, и лета. Да, у лета есть свой запах, который ни с чем не перепутаешь.

Я медленно пошла вдоль деревьев. Ясно одно – куда-то влипла, и тут дело не обошлось без Ардалиона. Странный какой-то молодой человек. Вот только где он? Где я? Никому не известно, а уж тем более мне. В этом доме я больше оставаться не могу. Еще замуж выдадут, пока сплю, зафиксировав роспись в ЗАГСе по отпечаткам босых ног на песке. Не надо мне такого счастья, я лучше сама, как-нибудь, лет так через пять, десять. Как карты лягут.

Выход есть. Сегодня ночью устроить побег. Один вопрос: куда бежать? Хотя, в моем случае, любые варианты хороши. Идти куда глаза глядят, и положиться на авось, на старый русский обычай. Так и поступим. Только не подумайте, что мне было не страшно. Еще как! Я эту ночь, что была, практически не спала, думала с ума сойду. Ни с того, ни с сего, очутиться в другом веке! Это выдержит не каждый, а уж что и говорить о бедной, беззащитной, скромной девушки вроде меня. Да, беззащитной! Я бойкая только в экстренных ситуациях, а так – вылитый котенок. Что ж, побег, значит побег.

* * *

Спать все улеглись поздно. Моя вторая мама, скакала как молоденький козлик, все время, повторяя, какая же я умница, красавица и все в том же духе. Ванечка отзывался обо

мне так, что решили свадьбу играть уже через два дня. Могли бы и раньше, да только подготовиться надо, (как я думаю, ну, там платье, приглашения родственникам разослать, выбрать ресторан и страну, в которую поедут молодожены на свадебное путешествие), только вот почему-то, когда жених узнал, что свадьба так скоро, побледнел, и упал на стул. Все подумали, что это от переизбытка чувств, от радости, то есть. Ага, вот именно, рад аж до беспамятства.

Уже с вечера я наполнила кожаный мешочек едой. Взяла немного: хлеб, сыр, пару яблок, фляга с водой, немного различных тряпок (в дороге может пригодиться все) и веревку, с кухни стащила разделочный нож, для меня он выглядел как меч в миниатюре. Ничего, хозяева не обеднеют. Мне тоже жить как-то надо. Никогда не сбегала, опыта нет, вот и беру все, что под руку попадет.

«Мамочка» дала денег, сказала, чтобы я купила себе ленточек, бус, да ситца, завтра на ярмарке. И настояла, на том, что это сделаю сама, так как имею безупречный вкус. На свадьбе я должна затмить всех, короче, выглядеть жемчужиной в иле. Не сошлись лишь в одном, со мной должен был кто-нибудь поехать, чтобы чего ни вышло. Что ж, не плохо, деньги всегда пригодятся, а охранник, как бы проспит, я птичка ранняя. Естественно, клятвенно пообещав, что данная сумма пойдет только на мои нужды, сунула их все в тот же мешочек. Немножечко жаль бросать новых родственников, но так будет лучше. Я такая сентиментальная, что вечером чуть

не пошла со всеми прощаться. Но, взяв себя в руки, как прилежное дитя спокойненько ушла спать.

Уже глубокой ночью, когда по дому разносился богатырский храп батюшки и мирное посвистывание матушки, я связала простыни и, привязав один конец к дубовой кровати, другой выкинула за окошко. Не подумайте, что мне лень пройти через дверь, или захотелось слинять со спецэффектами. Нет. Просто здесь все боятся грабителей, убийц, поэтому двери закрывают на такое множество замков, что я даже не берусь сказать точное количество. Да и ключи не понятно где искать. Лучше уж через окошко, и быстрее, и больше уверенности в осуществляемости идеи.

Сказать, что скалолаз, из меня никакой, значит, ничего не сказать. И как оказалось, узлы я тоже не умею завязывать. А в фильмах это выглядело так просто и естественно, что с такой задачей мог справиться даже ребенок. Увы, значит я исключение. Лишь выбравшись из окошка, и медленно начав спускаться вниз, увидела – тот край простыни, который привязала к кровати, начинает предательски развязываться. Не успела опомниться, как уже лечу в низ. Первая и единственная мысль, что пролетела в моей голове за эти доли секунд (благо этаж был максимум второй): "Если сломаю что, черт, придется жениться".

Вот значит, лечу я, думаю, собираюсь с силами перед болью и вдруг... нет, не полетела. Упала. Но на что-то мягкое, и это «что-то» издало приглушенно-чавкающий звук. Побла-

годарив небеса, за ниспосланное мне спасение, обругав производителей простыней за их скользкий состав, тут только догадалась посмотреть, на чем собственно сижу и, что послужило спасением.

Ночь оказалась темной. Фонариков нет и в помине. Единственным освещением служила огромная желтая луна, напоминающая кошачий глаз, и множество звезд рассыпанных по небу в беспорядке. Ни одно созвездие угадать я так и не смогла, в школе не преподавали астрономию. Так вот, отвлеклась. На первый взгляд, это был грязный мешок, наполненный чем-то мягким... но местами и... жестким. Приглядевшись, я обнаружила, что у мешка есть руки, волосы... Господи, так это человек... а вдруг я его убила, давно собиралась сесть на диету, знаю, лишние килограммы присутствуют, а может они и были решающими...

– Эгей, вы живы, – медленно слезла, и потрепала по плечу жертву, – ответьте, скажите, промычите, постонойте... ну хоть что-нибудь. Я ведь не специально, просто...

– М-м-м...

– Так вы живы, какое счастье... А-а-а-а, – поздно сообщила, что кричать-то нельзя, но ЭТО думало быстрее, и тут же прикрыло мой рот своей рукой. На меня смотрело чудовище. Черное лицо, с которого кусками отваливаются части чего-то непонятного, большие глаза неизвестного цвета, и волосы, они торчали во все стороны. Как если бы человек лег спать, а в это время его шевелюру обильно полить лаком.

Я подумала, что вот сейчас самое время упасть в обморок, может, поймет, что мне плохо, а лежачих, как известно, не бьют. Простит, поймет и уйдет. Не получилось.

– Ты кто? – спросило чудовище. По голосу, оно боялось больше чем я. Хотя, может это маскировка?

– Я-то? Да так. Пролетала тут потихонечку, да знаешь ли, воздушные ямы, вот и не справилась с управлением.

– Да?

– Ну... как тебе сказать. А ты кто? – с опаской спросила я, терять-то уже нечего.

– Фрся...

– Бурлакова? – вырвалось у меня.

– Какая? Нет, по-моему, пока еще нет.

– Тьфу ты, я-то испугалась. Думала все, последние минутки доживаю.

– Я тоже испугалась, – честно призналась девушка, – а что, эта «Бурлакова» очень страшная? Я никогда о такой не слышала.

– Да забудь ты об этом. Это я так, прикололась, ну... то есть, пошутила.

– Ясно, а что вы наверху делали? Летали? Неужели? А что за ямы в воздухе, и почему их невидны?

– Вот тетеха недотепаная, забудь об этом. Ты что, шуток не понимаешь? Лучше скажи, как ты тут очутилась посреди ночи, и почему такая грязная. Хотя кажется, догадываюсь.

– Это долгая история. Можно ее рассказать как-нибудь

потом? Мне надо быстрее уходить. Так что прощай.

– Стоп. Я тоже уйду и, если ты будешь не против, мы сможем составить друг другу хорошую кампанию, а? Ты куда идешь?

– Не знаю. Куда глаза глядят.

– Слушай! Да и мне ведь туда же!!! Какое совпадение! Так что, вперед. Да, меня зовут Маша.

– Хорошо, пошли, – вздохнула девушка и, слегка отряхнув платье, пошла вперед.

Девчонка мне сразу понравилась. Ну, то есть не совсем сразу, как только познакомились, так и понравилась. А сначала я испугалась. Никак не ожидала такого поворота, но это даже лучше, теперь у меня есть человек знающий местность и обычаи этого мира. Но и... с другой стороны, жутко хотелось узнать, что заставило девчонку убежать из дому. По-моему, насколько я помню историю, сбегали только рабы, крепостные крестьяне и то, если их хотели продавать нежелательному хозяину, ну или били сильно. Хотя, это же Россия, а значит она скорее всего крепостная. Но, в любом случае, что же тогда подтолкнуло к побегу? А с чего это, собственно, я взяла, что тут развито крепостничество, может здесь совсем другая история? Но с другой стороны... да скучно странствовать одной, не зная ни обычаев, ни нравов, ни истории, ни даже где тут север, а где юг. Очень хорошо, что на нее упала... и не придавила.

Не удивительно, что я сначала испугалась, когда увидела

Фросю. Просто под моим окном, кто-то случайно опрокинул бочку с водой, вот и образовалась кашеобразная грязь. Правда, не знаю, как случайно можно опрокинуть бочку с меня ростом, полную воды. Эх, удаль молодецкая! В темноте не видно где и что, а Фрося шла на прямой. Как только почувствовала, что ноги утопают в чем-то неприятно жидком, замешкалась. А тут еще ни с того, ни с сего я падаю. Вот девочка и нырнула носом в землю.

Ночка-то, какая выдалась! Тепло, хорошо, ни дуновения ветерка. Тишина. Лишь где-то вдали слышно тихое завывание волков... Волки?

– Фрось... у вас тут, что, волки водятся?

Она посмотрела на меня, как будто я с другой планеты прилетела, и вместо волос у меня торчат две антенны.

– А куда же без них. Ясно дело, водятся. Извили уж совсем, негодники. То скотинушку порвут, то на село нападут. Нет на них управы. Совсем озверели...

– Они кусаются, да, – больше даже с утверждением, нежели с вопросом, констатировала факт. Знаю, что по-детски наивно и глупо прозвучало, но почему-то спросить что-то другое, у меня не повернулся язык.

– Кусаются, еще как кусаются! Как укусят, так и все, тютю, головы нет. Еще раз укусят...

– Все-все! Подробности гастрономических предпочтений местной фауны не надо. Мне уже плохо.

Хм, интересно, почему мне жуть как не хочется с ними

встречаться? Элементарно, я решила еще немного пожить. Волка я видела всего один раз, в классе первом или втором. Нас водила Лилия Викторовна в зоопарк. Но они там были такие бедненькие, облезлые, хвост поджат... Ходили по клетке и смотрели на меня такими печальными глазками, что у самой наворачивались слезы. Поэтому все представление о волках складывалось на этом зверьке в клетке и на мультике "Ну, погоди!" Но, как мне сейчас кажется, это далеко неправильно сложившийся стереотип. Поэтому лучше переждать где-нибудь, а уж потом и путь продолжить.

– А, они же днем не нападают? – с надеждой спросила я.

– Только если голодные... Слушай, а ты откуда, а?

– Все равно не поверишь.

– А если поверю?

– Вряд ли, я сама до сих пор поверить не могу. Хотя... вот ты сначала расскажешь мне свою историю, потом и я. Договорились.

– Хорошо.

– Знаешь, что? Я думаю, что сейчас будет верхом безрассудства идти на ночь глядя через лес. Надо где-нибудь переждать.

– Согласна... но ведь с утра будут поиски?

– Будут... ну, что же делать.

– Есть одно местечко. Пойдем.

И Фрося бодренько пошагала по саду. Ах, этот аромат яблок. Никогда бы не уходила отсюда. Но, мы сделали свой вы-

бор. Интересно, что за история у этой девчонки?

Шли долго. Мои ножки не привыкли к таким походам. Самые долгие пешие прогулки, которые я предпринимала, это до школы и обратно. Ну, по парку погуляю. И все! В остальных случаях, либо на автобусе, на трамвайчике, либо ловлю попутку. А тут... Не знаю, какой километр мы уже топали, но коленки предательски тряслись, ноги подкашивались, голова кружилась, в глазах темнело, дышать становилось все труднее. Фросе же, хоть бы хны! Она шла, высоко подняв грязненький носик, бодрой и уверенной походкой.

– Фросенька, миленькая, давай передышку устроим, ну, пожалуйста. Я больше не могу. Вот сейчас упаду и съедят меня эти голодные волки.

– Чуть-чуть осталось, потерпи.

Какое чуть-чуть. Лес казался так близко, а мы уже часов пять без передышки идем через поле. Оно бесконечное!!! Раньше, за садом, его и видно-то не было. Думала – сад, за садом лес, вот и всех делов-то. А тут еще и поле... Мою голову стали посещать мысли, что можно было бы и замуж выйти, не такой уж этот Ваня и плохой, ну, в крайнем случае, точно был бы у меня под каблуком. Продолжила бы семейную традицию. Зачем я иду? Да эта Фрося просто издевается, она специально, хочет, чтобы я прямо тут и скончалась. Что я о ней знаю? Ни-чего! Следовательно, она была специально подслана, чтобы... Чтобы что? Вот в том-то и дело, пока еще не придумала. Но как только у меня это получить-

ся этой предательнице несдобровать!

К счастью, все когда-нибудь заканчивается. К тому времени, как солнышко стало весело играть лучиками, мы подошли к лесу. Ефросиния привела меня на небольшую полянку, окруженную вековыми, могучими деревьями. Неподалеку журчал ручей, а солнечные зайчики играли в траве. Я упала в самую гущу каких-то неизвестных мне лютиков. Вот сейчас, хоть режьте, не встану, даже если кто скажет, что лютики эти ядовитые. Моя соучастница побега, думаю так ее теперь можно называть, тут же побежала к ручью. Правильно, в таком виде ходить – только народ пугать. Я лежала и смотрела, как кроны деревьев заканчиваются у самого неба, как ветер колышет зеленые листочки, как... мои глаза стали медленно наливаться свинцом. Ночная прогулка дает о себе знать. Я заснула.

* * *

Открыв глаза, быстро сообразила, что солнышко давно в зените. Жарко. Хорошо-то как, не хочется ничего: ни поднимать голову, ни шевелиться, просто лежать и все. Правильно говорила моя мама, что лень вперед меня родилась. Я протерла глаза, довольно потянулась и огляделась, приподнявшись на локотках. Передо мной сидела миленькая девчушка в одной сорочке, и заплетала в косу черные как смоль волосы. Немного смуглый цвет кожи, про такое говорят – кофе

с молоком. Молока кружка и ложка кофе. Надо же, и такое бывает. У меня было пару знакомых, мулаток, так они все время жаловались на свой цвет кожи, что как он им надоел, бесит. А, по-моему, это здорово и очень красиво. Не надо тратиться на солярий, по крайней мере.

На меня смотрели большие, просто огромные карие глаза. Маленький, чуть курносый носик, припухлые губки... не девчонка, а куколка. Живи у нас в городе, парни не давали бы ей проходу. Фрося смотрела на меня и улыбалась одними глазами, как это у нее получается?

– Ну, как спалось?

– Нормально. Вижу, уже успела привести себя в порядок.

Так ты выглядишь куда лучше.

– Спасибо. Скоро надо будет двигаться дальше.

– Согласна, а пока перекусим. У меня в мешочке немного продуктов, вот и позавтракаем.

Я ловко достала хлеб, сыр, яблоки, разделила поровну и отдала половину ей.

– Это твоя часть. Хочешь, ешь сейчас, хочешь потом.

– Ты добрая. Спасибо.

– Да, что уж там. На здоровье. Для хорошего человека ничего не жалко.

– А откуда знаешь, что я хороший человек?

– По глазам вижу.

– А ведь я... я... – и она разрыдалась. Уткнулась лицом в ладошки и разрыдалась. Я даже испугалась, может, что ни

так сказала и обидела не в чем ни повинную девчонку.

– Фрось, Фросенька, не плачь, пожалуйста. Я не специально. Прости. Только скажи, что не так сказала? – На что она заплакала еще громче. Маленькие плечики то и дело вздрагивали, сквозь пальцы капали горючие девичьи слезы. По моему, я тут не при чем. Надо что-то делать. Я подползла на коленках к ней и обняла. Ее голова уткнулась мне в плечо. Мой сарафан стал потихонечку намочать.

– Тебе надо выговориться. Легче станет, поверь. По себе знаю.

– Ты меня возненавидишь... откажешься со мной разговаривать и... и... оставишь одну-у-у... – Ну что ты прикажешь с ней делать? Я стала медленно гладить по ее чудесным волосам, цвета вороньего пера, приговаривая совсем бессмысленные слова утешения. Надо просто говорить что-либо, медленно, как бы убаюкивающее. Фрося начала потихоньку успокаиваться.

– Так, вот и молодец, вот и умничка. Теперь давай все по порядку. Обещаю, что ничего плохого не случится, я не обижусь.

– Честно? – она подняла на меня свои большие глаза полные слез. Ее курносый носик покраснел. Что же такого случилось. Ведь не убила же она кого? Надеюсь, по крайней мере.

– Я даже не знаю с чего начать...

– С самого начала.

Всхлипнув, она стала медленно рассказывать свою историю, глядя в землю.

Фрося жила в обыкновенной деревенской семье. На жизнь хватало, но без излишков. Братьев и сестричек в общей сложности шестеро. Ее Бог наградил чудесной внешностью, работоспособностью и кротким нравом. Жила припеваючи, гуляла с подружками, веселилась, пела, плясала. Но прошел очередной год и, ей исполнилось семнадцать. Невеста на выданье. И так уже затянули, надо было этот вопрос решать года два назад, но все как-то недосуг. То посев, то покос... К этому времени девушка дружила с одним молодым человеком – Викентием. Он нравился ей, а она ему. Все считали, что это будущая супружеская пара. Но в один прекрасный день, когда Фрося гуляла по лесу, она встретила Лукьяна. Это была любовь с первого взгляда. Весь день они ходили, держась за руку. Фрося не думала ни о ком другом. Высокий, с кудрями цвета солнца (то есть рыжие, как я поняла), глазами цвета васильков...

На следующий день девушка пошла гулять с Викентием. Он такой милый, нежный, обходительный. Она растаяла, когда парень ее приобнял и нежно поцеловал в губы. Какой Лукьян, когда у нее есть такой замечательный Викентий. После этого, он спросил, согласна ли она стать его женой и, чтобы послезавтра пришли сваты. "Конечно, согласна" – прошептала она. Еще никогда такого не было, чтобы парень спрашивал мнения девушки, как она смотрит на тот

или иной вопрос. А уж про сватов никогда и не заговаривали. Как говорится: "Сюрприз будет." Но он оказался ни таким, Викентия волновало мнение девушки, важно было согласна ли она.

Но, на следующий вечер Фрося пошла гулять с Лукьяном, чтобы рассказать парню правду, что она уже невеста и не сможет с ним больше видаться (признак дурного тона, как я поняла, старушки шептаться начнут и пойдет поедет...). Он ей показал такие красивые места в лесу, что от восторга просто захватывало дух. (Кстати, и эту полянку тоже). Потом сел на пенек, посадил Фросю себе на колени и стал нашептывать на ушко столько комплиментов, что у девчонки закружилась голова. Ей никогда никто не говорил, что она настолько красива, желанна, единственна, и так сильно кому-то нужна... Потом Лукьян начал фантазировать, как бы им было хорошо, если бы они никогда не расставались. И спросил, как она смотрит на то, если они поженятся. Никогда ни с кем она не будет счастлива так, как с ним. Фрося летала в поднебесье: "Конечно, мы будем счастливы". Он поднял ее на руки и, смеясь, долго кружил.

Только придя домой до нее дошло, что же натворила. Позор! Позор на всю деревню, на всю жизнь. Это она дала обещание стать женой сразу двум молодым людям. Вот завтра придут сваты с обеих сторон и... позор... семья от нее откажется и все, конец. Остался только один выход – бежать как можно дальше из этой жизни в другую. А чтобы скоротать

путь, Фрося решила пройти через наш двор. В заборе была лазейка, а дальше... Дальше упала я.

– Ясно. Значит, ты так никого не убила, не зарезала и даже не ранила?

– Нет!

– Тоже мне, трагедию устроила.

– Да, как же ты не понимаешь... нет мне больше жизни праведной и мирной, по миру пустят с позором...

– Я, конечно, со своим уставом в огород не лезу, но вот что скажу – грамотно объяснив ситуацию и сделав выводы, все можно мирно решить. И это не повод убегать из дома, реветь напропалую и винить себя во всех смертных грехах.

– Но, ведь я...

И вновь она разревелась белугой. Не знаю в точности, как именно выглядит ревущая белуга и что это за зверь такой, но учитывая, что чаще всего человека в слезливой истерике сравнивают с ней, жизнь у бедолаги не легка.

– Относись ко всему проще – любовь приходит и уходит, она случается со всеми, и мы неподвластны что-то сами изменить, лишь приказав сердце замолчать. Это биохимические процессы, происходящие в головном мозге. Повышается уровень серотонина (гормона счастья), в кровь начинает выбрасываться адреналин, отсюда учащенное сердцебиение при виде любимого объекта, дрожь в коленках и общая затуманенность сознания.

– Эээээ...

– Так, забыли. Я хотела сказать, что твоя история не стоит твоих слез, это вполне нормальные вещи, которые могут произойти с каждым и, закончившись одна история, тут же возрождается в другой. После тебя по такому же пути, по тем же самым «граблям» пойдет еще сотня человек. Все циклично и предсказуемо. И даже возможно, что все это было не настоящее. А свое, родное и жизненно необходимое, ты встретишь еще на своем пути. Может завтра, может через неделю или несколько лет. Но это неизбежно.

– А если нет? Если кто-то из них моя судьба?

– Значит жизнь вам двоим даст второй шанс.

– Нет, у меня нет второго шанса... Пойми, я не смогла сделать свой выбор. Я не могу никак разорваться. Они такие хорошие – оба! А я одна. Один сильный, надежный, просто необыкновенный! А другой добрый, нежный, ласковый. Да к тому же я дала согласие обоим!!! Как ты этого не можешь понять. Это запрещено! Я теперь считаюсь пропавшей девушкой. Я...

– То есть, у тебя появиться клеймо простит... прости Господи! Но ведь нет никаких оснований, тебя таковой считать! Или есть?

– Нет!!! Но это никого не волнует. Раз так случилось, никто не будет слушать меня. Есть один способ... но я ни за что в жизни ни пойду на это!

– Что за способ?

– При всем честном народе доказать, что я еще девушка...

– То есть... доказать?

– Посреди двора ставиться стул... я должна сесть и раздвинуть...

– Что?! И они будут смотреть?! У вас, что, там все окушеры-гинекологи?

– Не знаю, кто это, но каждый знает, что и как. А я не смогу пережить такого позора!

– Да уж, согласна, я бы тоже сбежала.

Вот так мы тупо сидели и смотрели на свои ноги. Каждый думал о своем. Не знаю, о чем думала Фрося, но у меня никак не могло уложиться в голове, что у них тут за дела творятся. Это же уму не постижимо так позорить девушку. Хорошо хоть, в моем мире нет таких тупых правил. А если бы... Нет, даже не хочу об этом думать. Она правильно поступила. Я бы вообще не смогла бы жить тут при таких порядках. А, что это, собственно, мы расселись? Наверно в доме уже поиски начались... Хотя, мои должны думать, что я с утра пораньше ушла на ярмарку. Ложь во спасение. Мое спасение. А вот для Фроси будет лучше, если мы скорее двинемся дальше. Вот только куда? Бежать-то некуда.

– Ну, у тебя есть предложения, куда идти? – спросила я, глядя на то, как она сидела, потупив голову.

– Мне все равно. И если ты не против, то хотела бы сопроводать тебя, куда только скажешь. Ты у меня одна осталась, с кем я могу говорить без опаски быть отданной на людской суд.

Значит теперь, в этом неизвестном мне мире, времени или еще черт знает где, отвечаю не только за себя, но и несу ответственность за жизнь Фроси. За что мне все это? Я же не справлюсь. А она, сидит, смотрит на меня глазами трехмесячного лабрадора, вот только, что хвостиком не виляет. Куда пойдет эта влюбчивая девчонка, если откажу? Да не отпускаю я ее никуда, вдвоем легче переносить любые трудности. Да и радости, приятнее вдвойне.

– Что ж, Фрося, по-моему, это замечательно, что мы будем вместе. Я всегда мечтала о такой подруге, как ты, – и для пушей убедительности, положила свою руку на ее ладошку.

– Правда... – Девушка еще до конца не верит в свое счастье. Естественно, не каждый день судьба преподносит такие подарки. Да и с неба не падают личности вроде меня (напоминаю, я не с луны свалилась, а выпала из окошка).

– Правда, правда, только ты мне скажи, куда мы двинемся? Ни у тебя, ни тем более у меня нет больше родственников или друзей.

– По-моему, если, конечно же, не изменяет память, у меня есть троюродная тетка моего двоюродного брата, пятого сына маминой шестой сестры, по отцовской линии со стороны его мачехи.

– Ух-ты! Вот это родословная!

– Разве это плохо знать и помнить свою семью? – девушка надула губки.

– Нет-нет, – весело отмахнулась я, – А, как это «по отцов-

ской стороне»? Он, что, на лево ходил...

– Я не знаю, в какую сторону ходил муж маминой шестой сестры. Но это значит, что та троюродная тетка, со стороны отца, моего двоюродного брата, сына мам...

– Все-все!!! – Я повалилась на траву от смеха, – хватит меня мучить своим древом, пожалуйста! Я уже окончательно запуталась и не помню к кому именно мы должны идти.

– К моей...

– Вспомнила, только не начинай сначала! – я все еще лежала на траве и весело болтала ножками в воздухе. Нет, это надо же! И всех помнить! Фрося смотрела на меня с маленькой толикой обиды. Но, потом сама вдруг прыснула от смеха и упала рядом. – Ты лучше скажи, где она живет?

– В Большом Городе! – гордо произнесла девушка.

– А, поточнее? Адрес-то помнишь?

– Адрес? Что это?

– Ну, в смысле, где она живет? Дом? Улица? Этаж? Подъезд? Ах, да... у вас пока этого не построили, ничего, все впереди, лет этак через тысячи полторы. Так вот, ну, там, двор? Ворота? Какой расцветки петух на заборе сидит? Какой породы собака вход охраняет? Насколько нагл тот кот, что ворует сметану в погребе? Хоть, что-нибудь?

– Нет... – я явно завела ее в тупик. – Но я знаю, как пройти, у меня хорошая память. Так значит, от главных ворот через базар на право, после пятой улицы на лево, вдоль большого дома и прямо, пока не уткнемся в ворота главного тка-

ча, затем снова на лево и шестой дом, обнесенный ветхим забором и есть дом моей троюродной тети моего...

– Ладно, понятно, лучше бы карту нарисовала, а как зовут твою тетю?

– Марфа Константиновна.

– Замечательно. Вот это и будем считать точкой опоры. А в какой стороне находится Большой Город?

– Там, – и она неопределенно махнула рукой в глубь леса.

– Только не говори, что и где Город находится, ты тоже не знаешь?

– Я там была только в раннем младенчестве, но много слышала про него. Найдем.

– Угу, язык до Киева доведет.

– Чей?

– Неважно. Собирайся, не пойдешь же ты к людям в одной сорочке?

– Ой, и то верно, – засмеявшись, Фрося побежала к ручью. Ее коса, черной молнией мелькнула в воздухе, и девчонка скрылась за деревьями.

А, собственно, зачем нам нужна эта тетя? Ну, оставлю у нее Фроську, а сама-то, куда пойду? Что мне делать дальше? Может найти каких-нибудь колдунов, ведьм, ведунов... Есть же тут такие? Они посмотрят на кольцо, на меня, скажут, что-нибудь хорошее, в крайнем случае плохое.

На моем пальце, все так же была повязана тряпочка (бинтиков еще не изобрели). Не хочется привлекать внимание.

Я аккуратно размотала повязку, и на солнце ярко засверкал желтый камень. Красивый, ничего не скажешь, но к моему синему бархатному сарафану, он совсем не подходит. Попыталась снова снять, результат нулевой, оно даже не вертится на пальце. Самое интересное, что я не чувствую ни веса, ни каких-либо неудобств, как будто и нет ничего. Меня мучают смутные сомнения, что вся каша заварилась именно из-за него. Почему так кажется? Не знаю, женская интуиция, она меня еще никогда не подводила. Интересно, увижу еще когда-нибудь Ардалиона? Может опять нам поможет встретиться эта Маркатовна? А зачем ему нужно было кольцо... Стоп! Он же говорил, что не с моего мира, что миров великое множество. Значит, я попала в одно из них... Белиберда какая-то получается. Хватит мозги загружать, надо сначала найти троюродную тетю Фроси, а уж потом и о себе подумать можно.

– Я готова, – ее бодренький голосок вывел меня из задумчивости. Хороша. Сарафан на бретельках нежно персикового цвета, почти телесного. Под ним, полупрозрачная рубашка с пышными рукавами и глубоким вырезом. Из-под сарафана видны кончики сапожек, вот только их цвет определить однозначно не могу. Наверное, он тоже был нежных цветов, но сейчас уже больше похож на серый.

– Что ж, я тоже готова. Можно и в путь.

Интересно, где-нибудь в моем мире остались такие огромные леса, с деревьями, которым не меньше тысячи лет, с тропинками, протоптанными не грибниками, а дикими животными. Может где-то и есть, но я не видела. Наверное, именно так выглядят джунгли. Когда мы еще сидели на полянке, солнышко, пробивающееся сквозь листву, даже немного припекало. Но чем дальше продвигались в глубь леса, становилось прохладнее и темней. Деревья росли чаще, и некоторые ветки норовили закрыть нам путь. Чтобы хоть как-то разрядить обстановку, так как мне, почему-то, стало немного страшновато, я вспомнила старую поговорку. Где-то над нами куковала кукушка.

– Кукушка, кукушка, скажи, сколько жить мне осталось?

В ответ я услышала: "Ку-кук..." и бедная пташка свалилась к нашим ногам пронзенная стрелой. Мурашки пробежали по коже. «Ку-кук», это значит два с половиной года, две с половиной минуты или две целых, пять десятых секунды? Фрося стояла ни жива, ни мертва. Даже несмотря на то, что стало темновато и солнышко все хуже пробивается через густые ветки деревьев, ее лицо приобрело до того бледный оттенок, что, как мне показалось, даже светилось. Она прижала свои тонкие ручки груди и боялась дышать. Глаза были устремлены на бедную птичку. У меня вид не лучше.

Внутренний голос подсказывал, что надо срочно бежать, но здравый смысл издевательски спрашивал: "Куда?".

Как ночные призраки, из-за деревьев появились дюжие мужики с дубинками. Они шли, играя обрубок дерева (по-другому это не назвать) как зубочисткой, при этом не очень-то любезно ухмыляясь. Мылись они, наверное, в последний раз лет этак тцать назад, при рождении – находясь еще на порядочном расстоянии, я уже почувствовала аромат помойки. У нас в городе, ходила такая шутка, что когда едешь в метро, то с одной стороны вдыхаешь аромат «Channel», с другой «Hugo», с третьей еще нечто тонкое, с ароматом молодой розы. Но как только в вагон заходит бомж, все пахнут одинаково. Вот так же и сейчас, эта шестерка мужиков, напроць перебила все лесные ароматы, и я уже начала думать, что сейчас упаду в обморок, но не от страха.

– Чо, красавицы, попались. Мы любим симпатичных девчонок. А вы полюбите нас.

– С чего бы это? Назовите хоть одну причину, по которой я буду валяться у вас в ногах и благодарить Бога за любовь, ниспосланную мне с небес ко всем сразу? – пропищала я. Голос изменился до неузнаваемости. Даже мышка и та пищит громче. Наверное, у меня в голове что-то заклинило, раз я еще в сложившейся ситуации умудрялась дерзить.

– Чаво?

– Ребята, хватит тормозить, – я начинала брать себя в руки. Если Фрося сейчас в стопоре, то обстановку надо спасти

самой, – что вам надо от бедных, беззащитный, слабых представительниц прекрасного пола.

– А-а-а, – довольно протянул рыжий волосатый тип с пивным брюшком. Он улыбнулся щербатым ртом, облизнул засохшие губы, от чего меня чуть не вывернуло. – Деньги давай и раздевайся, живей.

– Я ничего не буду делать, пока не переговорю с вашим боссом! – крикнув, только потом сообразила, что босс может быть еще хуже, чем все они вместе взятые.

– Чаво?

– Чаво-чаво, – передразнила я, – подавай мне сюда председателя вашей преступной группировки. Между прочим, у меня феноменальная зрительная память. Ваши портреты, по моему описанию, составят в органах, и найдут шайку в мгновение ока. Да будет вам известно, что, это статья и пока вы проходите за «мелкое хулиганство». И не надо мне тут «ляля», что вы о таком не слышали. Незнание любого закона, не освобождает вас от ответственности!

– Чаво? – ну и тормоз. По-другому просто не назвать. Тут моя Фрося начала приходить в себя, и видя, что я начинаю закипать, сказала каким-то уставшим голосом:

– Она хочет видеть главаря. – Потом повернувшись ко мне, добавила. – Зря ты так. Об этой шайке ходит много слухов. Живыми нам не выбраться. Что ж, значит это наказание за мой обман, за то, как я поступила с ни в чем не повинными ребятами.

– Хватит молоть чушь, мы еще споем. – Попыталась ее ободрить.

– У меня никогда не было голоса.

Эти грязные мужланы долго совещались, но, в конце концов, решили вести к жожаку. Мы шли впереди. Они всю дорогу шептались, тихо хихикали и издавали неприличные звуки. Фу, гадость. Незаметно деревья стали реже, как бы начали расступаться перед нами. Мы вышли на довольно-таки большую поляну. Кругом валялись палки, деревяшки, кое-где погасал костер. На высоких деревьях построено что-то вроде шалашей, где-то около шести милых домиков. Как только мы вошли в этот загрязненный круг, появилось еще пару человек. Я встала в самую гордую позу, руки сцепила на груди и вызывающе посмотрела на каждого. Фрося же, наоборот, сцепила ладошки на молитвенный лад, опустила глазки и тихо причитала. Бандиты рассматривали нас с каким-то любопытством, и недоверчиво заглядывали мне в лицо, как будто изучая, но лишних движений не делали. Они, как-то удивленно смотрели в глаза и, по-моему, сами не знали с чего начинать и, что вообще делать. Кто-то смущенно улыбнулся, кто-то, махнув рукой, пошел по своим делам. Но остальные с упорством разглядывали мое лицо.

– Ну, и кто из вас главный? – Если никто не хочет говорить, начну первая.

– Кому жить надоело?! – откуда-то с верху раздался звонкий голос. А из масс послышался вздох облегчения. Их лица

мгновенно преобразились из любопытных в суровые.

Я подняла глаза. На ветке у одного из шалашей (самого аккуратного, но маленького), показалась стройная девичья фигура, окутанная тенью, так что виден мне был только силуэт. Но впечатляла картина ее распущенных длинных волос, которые на ветру развивались, как ножки у паука. Она стояла ноги на ширине плеч, руки уперты в бока, и что удивительно, одета в мужской костюм. Хоть и в тени, но юбку от брюк я различить пока могу.

– Честно говоря – не надоело. Мы просто проходили мимо, так сказать гуляли, как вдруг, ваши мальчишки, захотели познакомиться. Мы девушки порядочные и на улице знакомств не заводим. Ребята обиделись и в доказательство того, что у них самые серьезные намерения, повели знакомиться со своей мамочкой... ой, точнее сестренкой, мама в отъезде, как я поняла...

– Ты говоришь какие-то глупости.

– Нет, просто оптимистично смотрю на жизнь. Почему не спускаешься? Ведь не боишься же? Нет, конечно, я так даже не подумала, но может все же снизойдешь до нашего общества, и мы поговорим о женском, о наболевшем?

Атаманша искусно прыгнула с ветки и легкой походкой подошла к нам. Честно признаюсь, от того, что увидела, голова пошла кругом. Не подумайте, что мне настолько стало страшно от внешнего вида предводительницы храбрых ребят, нет, просто передо мной стояла Я! Глюк? Быть может.

Игра света? Вряд ли. Но это точно была я. Без сомнения. Единственное различие в одежде. На мне сарафан и волосы убраны в косу. На ней подобие кожаных брюк в обтяжку, а тело покрывает шкурка какого-то зверька. Волосы... длинные светлые пряди распущенны и лежат на плечах, медленно спадая на спину. Вроде сестры-близняшки у меня не было? Так что же это. Она, то есть мое отражение, подошла и недоверчиво окинула взглядом, затем аккуратно дотронулась пальцем до моей щеки. Потом внимательно посмотрела на этот палец.

– Ты кто? – удивленно спросила девушка.

– Маша... а ты?

– Тоже... Маша...

Сзади раздался грохот, оглянувшись, увидела – Фрося решила не напрягаться и отдохнуть в глубоком обмороке. Хм, в моем случае непозволительная роскошь. Как-нибудь в другой раз. Да, называется слабонервных просим удалиться. Мы стояли и глядели во все глаза друг на друга. Такое ощущение, что смотришься в зеркало, только твое отражение переделось, не предупредив тебя об этом. А я ничего, даже симпатичная. Зато теперь понимаю смысл выражения – «посмотреть на себя со стороны».

* * *

– И с чего ты думаешь, что я тебе поверю? Это же полная

чушь, выдумка, сказка, какую мне мама на ночь рассказывала в детстве, правда, фантазии на такое у нее не хватало. Тут тебе можно похлопать.

– Жизнь такова, какова она есть, и больше не какова. – Сделала я заключение.

– Глубокая мысль, – важно сказала Фрося, и уткнулась носом в коленки.

Мы сидели в Машинном домике на дереве. «Атаманша» была настолько любезна, что решила поговорить без своих телохранителей. Я честно рассказала своему двойнику всю историю, с чего все началось и, как глупо продолжилось. Но не очень-то она верила моим словам. Согласна, все это похоже на бред, выдумку, абсурд, но что мне поделать, если так оно и есть. Фрося сначала решила, что я пытаюсь прикинуться дурочкой, чтобы нас отпустили, и шла на подобного рода выдумки. Но когда я втолковала этой дурилке картонной, что все сказанное выше чистой воды правда, девчонка потрогала мой лоб.

– Я хочу видеть доказательства. – Сурово сказала Маша.

– В доказательства могу продемонстрировать только перстенёк.

С этими словами, я аккуратно начала развязывать повязку. Сейчас, он сверкнул как-то зловеще своим желтым сиянием. Фрося смотрела, не отрывая глаз и чуть приоткрыв ротик. Маша же, наоборот, с недоверчивостью и интересом. При виде камня, ее глаза сверкнули таким же огнем. Ничего

хорошего от этого ожидать не следует.

– Ну, и с чего ты взяла, что оно волшебное? – Спросила она, не отрывая глаз от кольца.

– К сожалению, не могу продемонстрировать, так как еще не совсем поняла какие надо читать заклинания, чтобы оно сработало, а инструкция с правилами пользования не прилагалась.

– Я не вижу ничего, кроме ужасно дорогого кольца... отдай мне его, и я сохраню тебе жизнь.

– Ничего себе заявочки! Ты случайно с утра головой не стукнулась? Я же ясно сказала, что даже с мылом снять не смогла! И, к тому же, вероятно это мой единственный билет домой!

– Если ты его не отдашь, он станет твоим билетом на тот свет. Не можешь снять, я сниму его вместе с пальцем!

– Ты не задумывалась о нашем сходстве? Я где-то читала, что у подобного рода близнецов, жутко развито чувство сродненной чувствительности. То есть, если одному становится больно, то второй чувствует эту боль с такой же силой! Так что, отрубив палец мне, ты тоже его лишишься!

Уф, по-моему, объяснила доходчиво. Это как-то умерило ее пыл. Маша сидела и в задумчивости смотрела на перстень. Я, от греха подальше, начала тихонько обратно заворачивать палец тряпочкой.

– Знаешь, Маша, а ты мне нравишься, – сказала вдруг атаманша, – смелая! Это я ценю. Предлагаю выпить за зна-

комство! Хочу, чтобы вы вступили в наши ряды. Нам нужны смелые люди!

Она вышла за порог и крикнула:

– Вина! И побольше! Сегодня будет праздник!

Фрося сидела ни жива, ни мертва. Она подняла на меня свои большие глаза, полные страха и шепотом произнесла:

– Машечка, отпусти потом меня, я не хочу быть разбойником. Пожалуйста... я никому не скажу, что у тебя магический перстень. И только не превращай меня в кролика...

– Почему, в кролика, – не поняла я.

– Вообще ни в кого не превращай, – тихонько прошептала она, так, что я еле слышала.

– Что за глупости ты лопочешь! Ни в кого тебя превращать не собираюсь, да и не умею я этого! Даже если бы и умела... хотя... нет, ни в кого бы ни превратила. Но, танк бы в данной ситуации не помешал, или бронетранспортер, вертолет... но, чего нет, того нет. Придется действовать подручными методами.

– Мы их убивать будем, да?

– Ничего не будем. Напоим, и сбежим.

– Я пить не буду.

– Все не будут, так, просто, чисто символически, для поднятия настроения. Выпьем, подебоширим и сбежим. Делов-то! Быть психом порой даже перспективно, а алкоголь...

– Психом я тоже быть не хочу, – надулась Фрося.

Маша вернулась держа в руках по бутылке вина. Следом

влетели, в прямом смысле слова, деревянные кружки и пара яблок на закуску. Мы расселись на полу «по-турецки», и началось...

* * *

– Эх, Маша, Маша, если бы ты знала... ик... как тяжела жизнь разбойника! Да нам...

– Точно, вам молоко бесплатно должны давать, за вредность!

– Точно! Но лучше вино! Ик... за это надо выпить.

Выпили. Фрося уже после первой кружки, как-то странно захихикала и, мило скосив глазки, уползла в угол. Через пару секунд послышалось мирное посвистывание. Маша пила как... даже не знаю с кем сравнить. Но наравне с мужиком, это точно. И, что самое интересное, хмелела очень медленно. Я вообще не люблю крепкие напитки, а это их так называемое «вино», наверное, по градусам равняется нашей водке. Поэтому, пока Маша отвлекалась то на разговор, то кричала, что-то на улицу, я тихонечко выливала содержимое своего «бокала» либо в щель в полу, либо за порог. Насколько хватало наглости.

– Маш, а объясни мне, пожалуйста, как ты очутилась здесь, в лесу, с этими... милыми молодыми людьми.

Она громко засмеялась.

– Это они-то милые? Ха-ха-ха!!! Говори, как есть: гряз-

ные, грубые, не воспитанные подонки, которые за несколько монет мать родную продадут! Только я нашла на них управу, – гордо сказала она, высоко задрав носик, который так походил на мой. Надо будет в какой-нибудь подходящей ситуации попробовать так же. Очень мило смотрится.

– Но, так все же? – не унималась я.

– Если правильно поняла, ты уже успела побывать у меня дома... – начала она, погрузневшим голосом, – тебе ничего странным не показалось?

– Да, нет, вроде... а что, что-то не так.

– Ты не могла ничего не заметить, ведь ты – это я! Как сама сказала, мы одно целое, и если одна половинка что-то чувствует, у второй такие же ощущения! – Грозно прокричала она, – отвечай!

– Как тебе сказать... мне показалось странным, что...

– Ну?

– Что они слишком уж хотят выдать замуж свою дочь, даже не спросив ее мнения. Хотя, может в вашем мире, это в порядке вещей...

– Нет, не в порядке. Моя мать, была очень красивой, а папа богат. У нее было все, что душа пожелает. Но наш род стал бледнеть... ой, то есть... ик... беднеть, и есть два выхода из этой ситуации. Первый: умерить пыл, немного затянуть пояс. То есть не так роскошно питаться, не тратить огромные деньги на ткани, платья, заморские побрякушки, средства для «омоложения». Она просто все еще пытается вер-

нуть себе утраченную красоту. Но ведь мы ее и так любим, за то, что она просто у нас такая есть... Второй выход: выдать дочь удачно замуж, чтобы ни отказываться от всего вышеперечисленного. Мама выбрала второй. И тут, словно затмение у нее в голове какое произошло. Это стало ее жизненной целью. Женихов перебирала и высматривала, кто побогаче. А так как наш род старинный, да еще и дочь-красавица, то недостатка в кавалерах не было. Ты права, моего мнения даже не спрашивали. Я не выдержала такой пренебр... прибр... пренебрежительности, – наконец выговорила она, – так как всю жизнь, моя душа была свободной, а тут, вдруг... – Маша заплакала, по ее разругавшейся щеке, градом побежали слезы. Но она, тут же, как бы опомнившись, тряхнула головой, вытерла тыльной стороной ладони лицо, и сурово сказала, – ты этого не видела! Никто не должен знать, что я тоже слаба.

– Но, что же этого стыдиться, у каждого есть свои сильные и слабые стороны!

– Но не у меня! Я сильная. Ты не должна такого говорить. Потому, что это доказывает, что и ты слаба, а этого быть не должно!

– Я тебя не подведу, – сказала и невольно улыбнулась. Это то же самое, что стоять перед зеркалом, смотреть на свое отражение и говорить: "Ты самая красивая, ведь ты же знаешь это! Умничка. Сегодня идем гулять, не подведи меня!" Похоже на шизофрению.

– Так вот. Я не выдержала угроз матери, нередких теперь побоев и, сказав однажды, что пойду на базар, убежала. В лесу встретила этих ребят. Мы поговорили, мне устроили испытание, и я его с успехом прошла. Так и стала предводительницей этих козлов.

– Ты не скучаешь?

– Скучаю, очень. Особенно по батюшке. Он добрый... Но это все в прошлом, я теперь другая, свободная!

– Да уж. Получается, что как только ты исчезла из дому, появилась я, и твоя маманя, не заметив подмены, тихим сапом приступила к подготовке свадьбы. Ничего не скажешь, хорошего тебе женишка подсунули.

– Так ты его видела?! И как?

– О-о-о!!! Это что-то с чем-то! – и я ей все рассказала про Ванюшу. Маша повалилась на спину и, держась за живот, громко смеялась. Потом, у нее стали медленно закрываться глаза, и она уснула.

Что ж, теперь я кое-что узнала. Значит вот почему, та полная женщина приняла меня за свою дочь. Мы с Машей похожи не просто как две капли воды, а как две клеточки в тетрадке. Просто не знаю большего сравнения. У нас даже имя одно! Наверно, отпечатки пальцев также схожи. Чудесное совпадение. Вот только я никак не могу понять, почему попала именно сюда? Может, что-то должна была сделать? Ну, свадьбу расстроила, но Маша все равно вернуться уже не сможет. Я с ней согласна, у нее вольная душа, которой

нужен простор, простор для выхода той энергии, которая не сможет удержать девушку в четырех стенах. Она выбрала себе жизнь... вот только бы не пропала... не попалась. Пусть у нее все будет хорошо. Это не только из-за нашего сходства, но и потому, что люблю таких сильных духом людей. Несмотря на все, я не такая, более трусоватая и не решительная. Никогда бы, наверно, не смогла убежать из дому... хотя, тут совсем другая жизнь. Можно податься хоть в лес (но, право, это крайняя степень безнадежности), здесь все намного проще... У нас бы она так не смогла, да, что я говорю, ни Фрося, ни Маша, даже пару дней не смогли бы прожить в городе, с огромными домами, дребезжащими трамваями, нервными, вечно чем-то недовольными и куда-то спешащими людьми, у которых даже нет времени, чтобы оглянуться, посмотреть на окружающий их мир... во что он превращается. Вечная борьба за прогресс. Техническая конкуренция со странами... как я раньше этого не замечала? Нет, не смогли бы они и дня провести в моем мире. Даже я уже начала смотреть на свой любимый Санкт-Петербург с другой стороны. Пожив пару дней на природе, все остальное выглядит устрашающе. Да, как писал один мне близкий по духу человек: "Сложно прокладывать путь в асфальтовых джунглях, чувствуя себя безобидным динозавром, среди млекопитающих хищников ". Вот такая она, жизнь...

– Ефросиния, да проснись же ты, наконец! – я с силой трясла ее за плечо. Ноль внимания.

– А? Что? Где я? – вот этого еще не хватало. Впервые встречаю человека, который так сильно пьянеет, от одного глотка.

– Ты! А ну-ка живо встала, и двигаем отсюда. На улице все спокойно, разбойнички наши спят. Самое время делать ноги.

– Зачем их делать? У меня свои есть!? Или... ик... уже нету? – она посмотрела на свои ноги бессмысленным взглядом, потом еще раз икнув, засмеялась, поднимая то одну, то другую вверх, – вот они, смотри, на месте... ик... мои. Собственные!

– Твои, твои. Вот теперь давай этими собственными двигай на воздух. Черт, жаль, тут нет душа, я бы тебе устроила «мокрую»!

Наверное, слово «душ» на нее произвело впечатление, так как хоть и пошатываясь, но она все-таки встала на ноги. Посмотрела на мирно спящую Машу, потом на меня, затем снова на нее и тихо произнесла:

– Мне нельзя так больше пить. Уже в глазах двоится. Хи-хи-хи.

– Что за чушь. Может, еще и меня не узнаешь?

– Почему же... ик... узнаю, ты колдунья, которая может превратить меня в танк и бронеспортер...

– Бронетранспортер... Тыфу ты, черт, вот привязалась, сказала же, что ничего этого делать не умею. Ты б меня еще ведьмой назвала.

– Ведьма?! Ты!!!

– Да не ори, твоим голосом и пьяного поднять можно! А нам нужно тихо и без неприятностей удалиться.

– Значит, и превращать не будешь? – голос прозвучал как-то разочарованно.

– Вот если не спустишься, то превращу в... в... не знаю во что, но у меня извращенная фантазия, так и знай.

Фрося в знак согласия кивнула головой, от чего чуть не упала. Тут только мне в голову пришла мысль: а как же она будет спускаться с дерева. В таком состоянии и шею свернуть не составит проблем. Но, как говорится: «Пьяному и море по колено». Она в два прыжка очутилась на земле. Разрумяненная, растрепанная, но вполне довольная собой. Мой спуск был немного дольше, так как я лет с пяти не лазаю по деревьям. Отвыкла. Да еще и этот мерзкий сарафан все время мешается. И, как результат, руки немного ободраны, волосы, выбившиеся из косы, торчат в разные стороны, но, главное живая и невредимая стою на твердой почве.

– Ну, что, горемычная, пошли, что ли?

– А куда?

– Уже забыла? К твоей тете, живет она в Большом городе,

который где находится, мы понятия не имеем.

– А, ну ежели туда, тогда пошли.

Мы довольно-таки бодренько топали в направлении той тропинки, с которой нас согнали, надеясь, что постов девчонка не расставила. Хотя, какие посты, сегодня же великий праздник, как она сказала, а значит, все отдыхают.

Гостили мы, выходит долго, так как наступила ночь. Темно, но, ничего не поделаешь, идти надо. Я Маше оставила записку (нашла перо, чернила и жалкое подобие бумаги у нее в домике), получилось криво и с кляксами, но если она изучала грамоту, то должна меня понять:

"Маша, спасибо тебе за гостеприимство, за хорошее отношение. Поблагодари от нашего имени тех милых молодых людей (или не совсем молодых), и передавай привет. Прости нас, что ушли не попрощавшись, но ты сказала правильно: у нас с тобой одна душа, вольная и требующая свободы. А какая же это жизнь, когда надо вести существование под чьим-то предводительством. Ты меня поймешь, я знаю.

У меня никогда не было сестры, и поэтому мне вдвойне жаль с тобой расставаться. Странно, но я чувствую, что наши дороги еще пересекутся. Поэтому не прощаюсь, а говорю лишь до свидания.

Не скучай, сестренка."

На самом деле, мне было жаль уходить. Мы так похожи и в то же время, такие разные. Я не наврала, когда сказала, что буду считать ее своей сестрой. Порой необходимо, чтобы

родной человек был рядом. И теперь, в этом чужом мире, у меня появилась близкая и такая похожая душа. Я очень этому рада. Надеюсь, что она считает так же. Фрося не в счет, она моя подруга, за которую я отвечаю головой, и не пожалею отдать за нее жизнь. Ох, сколько патетики во мне вдру! всколыхнулось и полезло наружу.

Как ночью тихо в лесу. Птицы не поют, листва не шуршит, звери не бегают. Стоит какая-то даже давящая тишина. Кажется, что вот-вот что-то должно случиться, и все замерло в ожидании. Я тоже насторожилась, но, по-моему, уже вижу неприятности там, где их просто ожидать невозможно. Хотя, что это я говорю, как это невозможно ожидать неприятностей в диком лесу, наполненном большим количеством голодных животных. Вот, теперь все в порядке, мне стало страшно.

– Фрось... помнишь, мы говорили про волков... а ведь у нас даже огня нет...

– Помню, и что? – Спросила она зевая.

– Да, так, ничего особенного. Ты, что не боишься?

– А чего мне бояться? Со мной рядом ты. Превратишь их в кроликов и, пусть себе бегают.

Святая невинность! Как она уверена в моем магическом искусстве. Посмотрю на нее, если сейчас сюда выбежит парочка другая диких серых собак.

– Может, приляжем, я так спать хочу, и голова болит. – Сказала она голосом капризного ребенка.

– А когда я просила? Фросечка, миленькая, давай отдохнем, до леса еще далеко...

– Так, то ведь другое дело. За нами могла быть погоня.

– А сейчас, что не может? Машка проснется и пошлет за нами своих «очаровашек». У меня отсутствует желание с ними вновь встречаться.

Ефросиния надулась, но все же пошла дальше. Надолго ее не хватило. Максимум мы прошли еще километр, как она села под деревом, сладко потянулась и, свернувшись калачиком, мгновенно уснула. Замечательно. А мне-то, что делать? Наверное, самое разумное будет – разбудить ее и, несмотря на недовольство, двинуться дальше. Хотя, сейчас, по-моему, хоть придет Военный Оркестр и как грянет во всю мощь, ей будет все равно.

Ладно, пободрствую немного, посторожу сон девчонки. Но, даже случись чего, не смогу защитить ни себя, ни Фросю.

Незаметно и сама стала погружаться в мягкие лапки Морфея.

* * *

Сон был недолгим, а может, мне просто так показалось. Проснулась оттого, что кто-то упорно спорил. Медленно, лениво, я открыла сначала правый глаз, затем левый. Фрося все так же спокойно спала под деревом, я лежала рядышком. А перед нами, на расстоянии десяти шагов стояло семеро му-

жиков. "Вот, опять, началось. Машка все-таки послала пого-ню". Но, для разбойников, они выглядели слишком опрятно. Все гладко выбритые, высокие, крепкого телосложения. Оде-ты в коричневые короткие штанишки, похожие на бриджи, из-под которых торчали белые гольфы, и рубахи того же цве-та – нетоптаного снега. Сверху на плечи накинута длинный плащ, завязанный на шее. Но для высоких, крепких мужчин, они себя вели как-то странно: скованно, нерешительно, как будто стесняясь.

Увидев, что я проснулась, вышел вперед один, и хорошо поставленным голосом сказал:

– Имею честь видеть Снежанну?

– Ну, я за нее.

– ???

– Что уставились? Я это, я.

– Нас послала Ядвига Маркатовна...

– Как? И вас тоже? Строгая тетка, вот только с фантазией плохо, максимум, на что ее хватает, это послать ко мне. Это у вас, если не ошибаюсь, самое распространенное и злостное ругательство? Да, широк и многообразен русский язык...

– Вы нас не поняли...

– Прекрасно поняла, что надо?

– Вы должны пойти с нами, если ответ будет отрицатель-ным, мы вынуждены будем применить силу... к сожалению.

– Ишь ты, какие мы вежливые. А учили ли вас, что деву-шек обижать нельзя? Да нас, женский пол, на руках носить

надо, и в прямом и в переносном смысле слова. Считайте, что мы – редкий вид, нас охранять положено, а еще лучше занести в красную книгу, как исчезающий вид!

– Вот если последует отказ, мы вас и, положим куда надо и, занесем со всеми почестями и, даже, понесем на руках, в прямом и в переносном смысле слова...

– Так ребята, вижу, мы не понимаем, друг друга, – сказала я, поднимаясь, – я никуда идти не собираюсь. И если эта ваша многоуважаемая Макаковна желает со мной встретиться, то пусть сама и приходит. Если нет... то на нет и суда нет.

– Ребята, – обратился он уже к свои товарищам, – девушка нас не понимает. Доставайте веревку. Чувствую, что это можно рассматривать, как сопротивление.

Но, тут вдруг проснулась моя Фрося. Она быстро вскочила на ноги и принялась кричать:

– Эй, у вас с головой все в порядке? Вам пока чудесным образом везло, моя подруга не вспыльчива и не злопамятна. Идите своей дорогой, пока она не обратила милость во гнев! Да вы хоть знаете, с кем связались? НЕТ?!? Это самая опасная и свирепая ведьма, которую еще земля держит. Да ей достаточно взмахнуть рукой, и на вас нападет стадо... – она покрутила рукой в воздухе, как бы ища вдохновения, а они как загипнотизированные смотрели за движением ее руки, – стадо... кроликов...

Что ее потянуло на этих несчастных животных? Что они ей сделали? Чуть что, сразу кролики! Но, девчонка была на

вентилятор, припевая:

В лесу родилась елочка,
В лесу она росла,
Зимой и летом стройная,
Зеленая была.

У мужиков явно был шок, так как замороженные моими действиями, они даже не шевелились, стояли, широко открыв глаза и рты. Я же вошла в ажиотаж, и пошла в присядку, все по тому же кругу, громко уже не распевая, а крича. Эхо раздавалось по всему лесу. Вдобавок к моему голосу, как хор на подпевках, кричали птицы и звери. Наверное, нас слышно было даже на Камчатке:

Трусишка зайка серенький,
Под елочкой скакал,
Порою волк, сердитый волк,
Рысцою пробегал.

Они даже присели немного, и чувствую, был бы тут телефон, моментально бы набрали «03». Не зная, что делать дальше, но, здраво понимая – надо тянуть время, остановилась в центре протоптанного мною круга, и начала вспоминать занятия классикой (было время, я ходила в кружок бальных танцев, так сказать, для поддержания фигуры). Знаете, очень забавно смотрится, когда в длинном сарафане, пы-

таешься сделать «плие» на первой позиции ног и на третьей у рук. Старательно раздвигая коленки в стороны, я напевала, что-то типа: "А нам все равно, косим мы траву, и как дважды два..." Не помню точные слова, но раз называется «Песня про зайцев», значит подойдет. Мужики эти начали синеть и осматриваться по сторонам, то ли в поисках зайцев, то ли в поисках пути отступлений от припадочной девочки.

Меня уже начинали покидать силы. Я с размаху села на траву там же где стояла, и принялась быстро стучать руками по земле, при этом неистово крутя головой, как заклиненный болванчик. Что еще петь понятия не имею, запас про зайцев себя исчерпал. Мой голос начинал садиться, и поэтому я уже не пела, не кричала, а шипела с присвистыванием простой набор слов:

– Заиньки, зайчишки, зайчушки, зайцы косоглазые... кролики, крольчушки, кролчишки... черт бы вас всех побрал... а ну валите отсюда ко всем трансформерам...

Наверное, последняя фраза дошла до адреса, и они (в смысле мужики), не стовариваясь, развернулись и, дали такого стрекоча, что только пятки сверкали. И вот что странно, они, как мне показалось, просто растворились в воздухе. А может, настолько устала, что уже ничего не замечала, вот и показалось. У меня сейчас было такое напряжения, столько адреналина, злости, усталости, нервозности, что чувствую, если бы они остались и пошли на меня, то я, скорее всего, укусила бы их сама не дожидаясь подмоги в лице саблезубых

кроликов. Мужикам даже тридцать уколов в живот не помогло бы. Я б им лично выписала справку с диагнозом «слоновье бешенство», с припиской «неизлечимо, крайне опасно, передается воздушно-капельным путем». Посмотрим, какой знахарь за них взялся бы. Наверное, они подумали о том же, иначе бы так резво не бежали.

В полном изнеможении, подползла к дереву и, облокотившись, наконец, смогла перевести дух. Фрося резко встала, подошла ко мне, и «встав передо мной, как лист перед травой», грозно спросила:

– Ну, и почему же они не прибежали эти злые кролики с облезлыми зубами?

– Саблезубые... а, впрочем, говори, как хочешь, у меня нет сил спорить...

– Так почему же они не прибежали? – Настаивала она.

– Заклинание очень длинное, а они убежали раньше, чем я закончила.

– Хм, в следующий раз выбирай, что покороче. Предупредить надо, что так будет, я бы не отпустила их. Самостоятельно удерживала бы до прихода кроликов... Что б знали на будущее, на кого посягнули и лапы свои грязные направили.

– Какая ты злая, Фрося.

– Нет, я за тебя испугалась. Утащить к Ядвиге Маркатовне! Ишь, чего захотели.

– Спасибо, за помощь, – я сидела и еле сдерживала смех. Хороша бы была картина, как хрупкая девчушка удерживает

семерых дюжих мужиков.

– Но все же, в следующий раз, выбирай заклинания покороче, хорошо?

– Попытаюсь. Сама же сказала – кроликов.

– Ага, а говорила, что колдовать не умеешь!

Ну, что с ней спорить? Бесполезно. Все равно останешься не права. Так что, лучше промолчать. Но, чувствую я, больше такой трюк не пройдет. Какая из меня, к черту, ведьма?

– Маш, – спросила она, подсаживаясь ко мне, – а разве бывают такие кролики... ну, они же вроде травку кушают?

– Эх, Фрося, Фрося, – я довольно потянулась под деревом, – жаль ты не присутствовала у нас на экзамене по биологии в девятом классе. Много чего бы нового узнала. К примеру, Женька Семикина, на вопрос о лесных обитателях (кажется, чего проще), отвечала спокойно, но усердно жестикулируя руками, всем видом показывая, как это бывает на самом деле, так сказать, для пущей убедительности, как будто присутствовала при этом лично: "Там есть зайчики, они так прыгают... прыгают, и кушают травку... а, когда нету травки, то питаются мышками..." Странно, но тройку ей поставили, наверное, за чувство юмора.

– Какая умная, эта Женя Семикина...

– Чего?

– Ну, столько знает...

– А, чего собственно ты привязалась к бедным зверушкам, – решила я поменять русло разговора.

– Да ну их, – она махнула рукой, – маленькие, противненькие, с зубами такими... не нравятся и все тут... ну и покусал меня один в детстве. Я к нему со всей душой и морковкой, а он за палец цап... кровящи-и-и-и было...

– Ясно, без комментариев. Ну, что, встали и пошли? Ты хоть выпалась.

– А то! – потянувшись, как кошка, сказала Фрося.

Вот везет же некоторым. Никакого похмельного синдрома. Но вот так резво бегать по полянке, словно молоденький козлик, как сейчас веселиться она, пытаюсь повторить мое «заклинание», со звонким смехом: «А меня научишь?» Это надо иметь супер здоровый организм. Я встала и уже собиралась указать в какую сторону двинемся дальше, как прилетела огромная ворона, с какой-то бумажкой в клюве. Она сначала медленно сделала круг почета над нашими головами, потом, выбросив послание, попрощалась, сказав: "Кар-кар". Очень милая птичка, а главное вежливая. Подняв бумажку, я поняла, что это письмо от Маши (мне просто больше не от кого ждать писем). Хм, мало того, что она как две капли воды похожа на меня, умеет читать и писать, подчинила себе банду амбалов неопределенного возраста, так еще и птиц приручает. Круто, девчонка мне нравится все больше и больше.

Маша! Я, честно говоря и не рассчитывала, что ты примкнешь к нам. Просто очень хотелось. Удачи тебе! Мы еще обязательно встретимся. Если что, ты всегда

можешь на меня рассчитывать.

Маша

Коротенько и со вкусом. Значит погони не будет. Это уже успокаивает. Вот только бы не вернулись те вежливые дяденьки, осознав, что я их всего-навсего обдурила.

– Что ж, Ефросиния, пошли. Надеюсь, эта тропка выведет нас к Большому городу, ну или хотя бы вон из леса.

– Пошли, я тоже надеюсь.

Мы медленно стали пробираться сквозь кусты и деревья. У меня все время что-то крутилось в голове, не давало покоя. Что же я упустила? Как вдруг... я так резко повернулась к Фросе и схватила ее за руку, что бедная девчонка даже вскрикнула.

– Фрося! Что ты знаешь о Ядвиге Маркатовне? Отвечай.

– Ничего я не знаю... отпусти руку, синяк же будет!!!

– Нет, ты мне ответь. Сама же тогда сказала, что испугалась за меня! Цитирую: "Утащить к Ядвиге Маркатовне! Ишь, чего захотели!"

– Я... просто так сказала... ведь действительно испугалась за тебя!

– Врешь! Чувствую, знаю, уверена! Говори правду, только правду и ничего кроме правды, а не то... я закончу свое заклинание про кроликов...

– Н... не... надо... и прекрати меня трясти... вот сейчас в голове все встанет на свои места, и расскажу, что знаю, без утайки... только отпусти меня-я-я!!!

Все, я спокойна. Фрося приходит в себя, хотя как-то странно поглядывает в мою сторону. С рукой перестаралась, запястье у нее очень покраснело. Но, ничего не поделаешь, если негодная девчонка хоть что-то знает про эту ведьму... может это кусочек ключа от двери с табличкой «Добро пожаловать домой, дорогая». Только бы она знала побольше.

– Ну?! – с надеждой протянула я.

– Что ну? Пошли потихонечку, и поговорим. Хотя, даже не знаю, что и сказать. Все на уровне слухов и сплетен. Но каких! Их рассказывали еще мои пра-пра-бабушки моим пра-бабушкам, а те в свою очередь бабушкам, а...

– Фрося! Я, конечно, понимаю, гордость за семью ты впитала с молоком матери, о своих родственниках ты можешь говорить бесконечно... Но! Не уходи от главного.

– Что ты так нервничаешь, Маша? Я и не отхожу от темы. Просто говорю, что эти легенды передаются из поколения в поколение. Им много, очень-очень много лет! – И она многозначительно подняла указательный пальчик. – Ядвига Маркатовна, могущественная ведьма... точнее колдунья... или волшебнице. О ней нельзя говорить плохо. А так как хорошего нет, то вообще предпочитают не говорить. Меня еще мама пугала на ночь... точнее рассказывала...

– Хватит трястись, говори, как есть. Я уже поняла, что о ней как о покойниках – либо хорошо, либо ничего. Но ведь не это главное?

– Так вот, что если я не буду слушаться, то вырасту очень

красивой девушкой, и меня заберут слуги Ядвиги Маркатовны.

Хм, хороша маманя. Да все родители мечтают, чтобы их чадо выросло здоровым, красивым, счастливым. Ну и дела.

– Не поняла, – честно сказала я.

– Что ж тут не понятного? Каждый ребенок ее боится. Вот вырастит красивым – его и заберут.

– Прости... она, что, женщина... ммм... нетрадиционной ориентации?

– ???

– Ну, предпочитает мужчинам женщин. Девушек любит.

– И такое бывает?!? – У Фроси глаза увеличились в два раза от удивления.

– Бывает... значит, нет?

– Нет, конечно же. Понимаешь, она колдунья! Но самое главное – женщина! Чтобы всегда оставаться молодой и красивой, Ядвига Маркатовна забирает красивых девушек и вселяет свою душу в их тело, а души бедняжек неприкаянными бродят по свету. Это страшный грех. Они не могут подняться в небо и обязаны скитаться в вечных муках.

– Жутковато.

– Еще бы. Но, скорее всего, это лишь сказки, которыми родители пугают детей, чтобы те слушались. А Ядвига Маркатовна – добрая, вежливая волшебница, которая и муху-то не способна прихлопнуть. – С этими словами моя отважная спутница начала аккуратно оглядываться, и слова про муху

сказала особенно громко. Как я поняла – эта тирада, была сказана не для меня, а так, на всякий случай.

Если все, что она сказала – правда, то зачем Маркатовне понадобилась я? Особенно красотой не блещу (ну если, конечно, подкраситься, приодеться, причесочку да то, да се... смотреть можно). Тут все не так просто, и кажется мне, во всей этой детской сказке есть доля правды.

Вот так мы и шли, я в своих думах, она в своих. Погода была расчудесная. Деревья росли все реже, солнышко просто ослепляло, но в то же время было абсолютно не жарко. Птицы пели надрываясь, каждая пташка пыталась перекричать всех остальных. В траве трещали кузнечики. Благодать, одним словом. Вот только мы шли угрюмые. Вздрагивали от каждого шороха, особенно я, боясь, что опять появятся те «добры молодцы». То пробежит олень, то лисица махнет пушистым хвостом... для меня это было настолько в диковинку... я же зверей таких видела только в зоопарке, да по телевизору в программе «В мире животных». А тут... они не боятся проходят от тебя в пяти шагах, смотря большими, умными глазами. Детеньши могут подойти и без опаски потереться о колено. Фрося шла, не замечая всей этой красоты. Естественно, она тут выросла, каждый день наблюдает такие картины, а я? Что я... городская девчонка. Даже как-то обидно звучит – городская. То, что я тут очутилась большая ошибка. Если бы не Фрося, чтобы было со мной? Погибла? Все вероятно, без ее опыта мне не прожить в этом мире. Неве-

селе мысли, это плохо. А хорошо то, что лес перед нами расступился, и мы по склону начали спускаться в город. В Большой Город!

* * *

Высокий деревянный забор... нет, это был даже не забор, а нечто более внушительное, больше похожее на укрепление из срубленных вековых дубов, обтесанных и вбитых в землю. Так вот, это сооружение простиралось на многие-многие километры. Сразу вспомнилась Великая Китайская Стена, только, кажется, та была каменная. С нашей горки была видна лишь небольшая часть города. Там кипела жизнь. Большие и маленькие здания, а посередине огромный, величественный терем-дворец, так же деревянный. Издали, все это зрелище было похоже на спичечные домики. Сказка, в которую вдохнули жизнь.

Главные ворота приветливо открыты, как бы приглашая путников зайти, отдохнуть и... уйти. Около них, полусидя, полулежа, развалилась стража. Хм, охрана, встает так рано?

– Большой Город! – с детским восторгом произнесла Фрося, – он самый!

– Откуда знаешь, если была там в раннем младенчестве? – сказала я с напущенной серьезностью, хотя у самой комок в горле от восторга встал.

– Так... ведь... ну... его невозможно ни с чем спутать. Вот

я и говорю... А ты-то?

– Что, я-то?

– Ну, что думаешь? Он?

– Пошли, проверим.

Мы быстро спустились по мягкой травке со склона, правда я то и дело путалась в длинной юбке сарафана, по-моему, к этому привыкнуть невозможно. Вышли на пыльную дорогу, по которой ехали нагруженные телеги в сторону города. Должно быть торговцы. Повозки то и дело подпрыгивали на камнях, попадающих на дороге, от чего поднимались клубы пыли. Захотелось вдруг, чтобы пошел дождик, такой теплый, ласковый... Но «мечты, мечты, где ваша сладость»... На небе ни облачка, а солнце в самом зените. Без тени деревьев мы ощутили, как же оно печет невероятно. Интересно, как бы отреагировало местное население, если бы я была одета в короткий топик без лямок и узкие шортики с потертостями и с маленькой бахромой? Наверное, сожгли бы на костре, как еретика. В этом сарафане так жарко, но рисковать не будем.

Вот с такими веселыми размышлениями я подходила к воротам Большого Города. За ними развернулась жизнь рынка. На секунду мне даже показалось, что я вновь вернулась в свой мир. Апражка... как много в этом звуке... Кто хоть раз был там, поймет, на что было похоже зрелище, открывшееся перед моими глазами. Вот только люди ходили как на маскараде, в причудливых старых нарядах. Кругом мужчины и

женщины восточной национальности, они есть и в этом мире. То там, то тут слышится:

– Дэвушка, а дэвушка, ты толко посмотри, какой красивый пэрсик! Такой же румяный, как твои щечки, нэ проходи мимо!!!

– Вах-вах, какой красивый дэвушка, и такой грустный! Купи дыньку, настроение поднимется!

– Квас! Свежий, холодный квас! Купи квас!!! – надрывал горло продавец.

У меня уже начинало щекотать в носу, и я готова была разрыдаться сентиментальными слезами, проклиная и Ядвигу Маркатовну, и Ардалиона и эту несчастную Снежанну (кем бы она ни была), как вдруг, набежавшие слезы в доли секунды высохли. В проходе среди лотков, хорошо работая локтями, проплывала моя мамочка. Нет, не та родная, а новая, ну, в смысле местная. За ней плелись три парня, то и дело извиняясь. Одним из них, с самым обреченным лицом, был Ваня.

Моя реакция, как и положено в подобной ситуации оказалась мгновенной. Я резко села на корточки, спрятавшись за толпу и за Фросю. Она взвизгнула и тоже присела.

– Ты чего? – спросила я шепотом.

– А ты?

– Там моя маманя...

– Там Лукьян и Викентий.

– Влипли.

– Во что? – Старательно поднимая ноги и рассматривая

подошвы, спросила она.

– В историю, – утешила ее я.

– А-а-а-а... Точно, это похуже будет. Плохо наше дело, ой, горюшко-то...

– Кончай ныть, делать, что будем?

– А что сразу я? Почему знаю?!

Люди проходили мимо и странно на нас посматривали, некоторые не замечали и, спотыкаясь, падали. Раздавались нецензурные выражения, каких не слышала даже в моем мире. Я схватила Фросю за руку, и как были на корточках, посеменили за амбар. Совещание началось сразу же, как только мы сели на разбросанную солому.

– Надо добраться до твоей тетки, минуя рынок...

– Надо...

– Знаешь короткую дорогу или обход?

– Нет, – простодушно ответила она, махнув рукой, как бы ловя муху, – вот ведь. Была же во младенчестве, память как будто стерли. Как добраться-то знаю только по ее рассказу. Тетя однажды к нам приезжала, когда я была еще малая, и приглашала к себе. Вот я-то и запомнила, чувствую на всю жизнь.

– Ага, ну и как быть?..

Из-за угла амбара выходил, дико оглядываясь, мой суженый-ряженный, то есть Ванюша. Мальчонка было уже облегченно вздохнул, но к великому его сожалению, увидел меня, собственной персоной. Краска мгновенно спала с лица. Бе-

лый как снег, в красную крапинку от прыщей, он стоял и во все глаза смотрел на нас, руки его тряслись и зубы клацали, по-моему, паренек даже дышать-то перестал.

– Вольно парниша. Неужели я так плохо выгляжу? – скромно спросила, подходя к нему.

– Н... не... не подходи... Ой!

В один прыжок я оказалась около него и зажала рот рукой.

– Слушай внимательно. Сейчас я отпущу руку, и ты ответишь на все мои вопросы. Будешь хорошим мальчиком – уйдешь живым, за физическое и психическое здоровье не ручаюсь. Но ведь живым! Ежели нет, станешь кричать или биться в истерике – оставшийся срок, отмеченный тебе на небесах, придется укоротить. И то, в лучшем случае. Понял? По глазам вижу, что понял.

Парня трясло. И неужели это говорю я? Скромная, воспитанная, хрупкая, интеллигентная девочка одиннадцатого класса, не способная смотреть без слез умиления на кошку с котятами? Но, как говорится: с волками жить – по-волчьи выть. Каждый приспособливается как может. Либо ты их, либо они тебя. Мне больше нравится первый вариант.

– Что ты тут делаешь? Да еще и с моей мамулей?

– Тебя ищем... – пропищал он, закатывая глаза. Юноша близок к обмороку.

– Эй, парнишка, – я похлопала его по щекам, что немного привело в чувство, – ты мне еще живым нужен. Почему же ищете? Я же сказала, что уйду на рынок, за ленточками-бу-

сиками-тряпками.

– Тебя дядя Кузьмич видел выпрыгивающей из окна, а потом убегавшей с какой-то девчонкой.

– Кто такой? – Грозно спросила Фрося, до этого тихо сидя на соломе и наблюдая за нами.

– Я-то?

– Кузьмич этот! – Рывкнула я. У Вани волосы зашевелились. По-моему, жены у него уже точно не будет, теперь всех представительниц прекрасного пола будет обходить за километр. Быть может, оно и к лучшему.

– Он-то?

– Да!!!

– А, так, за садом присматривает.

– Хм... замечательно, а маменька, что?

– Очень ругалась на непокорную дочь, то есть на тебя, – тут он в испуге зажмурился, боясь моего справедливого гнева.

– Да, я такая, – мой ответ прозвучал очень гордо.

– Вот и, решив, что ты могла бежать только в Большой Город, мы поехали тебя искать и... и... вернуть.

– А те двое, что с вами, кто они?

– Они-то?

– Парень, не тормози!

– Встретили их по пути. Представляешь, у одного и у второго сбежали невесты! Причем, что за первую, так и за вторую дают хорошее приданое. Да и плюс ко всему, гово-

рят, хорошенькие были. Парням тем не так девчонки нужны, как то, что к ним прилагается. Проигрались они, да и один, Лукъян, поспорил с кем-то, вот и результат. Бабы-то были согласны... как вдруг – нету их! А у них, невест, то есть, была заветная мечта – увидеть Большой Город. Вот они все прикинув, и пошли на поиски своего беглого счастья.

– Ты не очень-то улыбайся, у тебя ведь тоже невеста сбегала, – подмигнув сказала я, от чего он опять побледнел.

– А... давай... ты того... не будешь находиться, а?

– Слушай! А ты мне определенно начинаешь нравиться!

– Ой, мамочки, – сказал он, закрывая голову руками и медленно раскачиваясь из стороны в сторону, – за что?

– Эй! Ты не больно-таки обольщайся! Не в том смысле! Ты не в моем вкусе.

– Правда?

– Будь спокоен, клянусь.

Ванюша вздохнул с облегчением. Я продолжала:

– Действуем по такому плану. Ты выходишь отсюда...

– Я-то?

– Так же оглядываясь и сообщая, что никого не нашел.

Потом кричишь: "Вон она!" И кидаешься в противоположную от нас сторону. То есть туда, – рукой указала направление, что б не перепутал, – мамуля скачет за тобой. Сделай так, чтобы те безнадежно-влюбленные добры-молодцы последовали следом. Все понял?

– Можно последний вопрос?

– Ну?

– Мы ведь больше не увидимся?

– Не дай Бог! – и, на всякий случай, перекрестилась для большей значимости и весомости ответа.

– Вот и ладушки, вот и хорошо, теперь хоть спать буду спокойно. Я пошел. Прощай.

– Прощай, мой несостоявшийся муж, – весело сказала я, от чего парень слегка вздрогнул и ретировался.

– Здорово ты с ним, – завистливо сказала Фрося, – мне бы так.

– Ничего, время не только лечит, но и учит.

Через пару секунд послышались крики: "Вон! Вон она! Я видел ее косу! Косу любимой ни с чьей другой не сможет спутать настоящий мужчина, в чьем сердце горит огонь любви! Душечка, подожди меня и мы сбежим вместе, если на то будет воля твоя!" Во заливает, какие слова! Даже жаль, что зря пропадают. А ведь минуту назад готов был упасть в обморок от одной только мысли, что я найдусь! Далее слышны вопли мамани: "Да за что же ты меня доченька бросила?! Ловите ее негодники, чего стоите, рты разинув?! В погоню! Она далеко от нас не уйдет! Кто первый поймает, дам целый мадник!"

– Ого, – уважительно сказала Фрося, – целый мадник!

– Много?

– Ты что? С луны... ах, да-да, помню. Достаточно. Можно купить корзину продуктов и... бусики!

– Угу, мама не скупиться.

– То-то же!

– Так, по-моему, путь расчищен, надо потихоньку двигаться.

Мы слегка согнувшись вышли из укрытия. Преграды пока не видно. Ну, Сусанин-Ванюша, все в твоих руках – быть нам мужем и женой, или не быть. Хм, какой интересный вопрос.

Идя мимо длинных рядов с едой, мы пропускали мимо ушей заманчивые предложения полакомиться их продукцией. Живот предательски начал урчать и у меня вот-вот слюни потекут по подбородку. Когда мы в последний раз ели? Вот и я не помню. Надеюсь, хоть тетя-то будет столь любезна, что не поскупится на обед. Нам задерживаться сейчас нельзя.

Фрося покорно шла за мной, и что-то бормотала себе под нос, отрывки фраз долетали до меня:

– Оба... предстану перед ними... убьют... опозорена... Люблю? Нет?... А вдруг... нет... делать-то что? Конец старой жизни... новая... монахиней?..

– Угу, в мужском монастыре, – тихо добавила я.

* * *

Удачно миновав все повороты, переходы и ни с кем не столкнувшись, мы вышли к дому «дорогой» тетушки. Деревянный забор покосился, ворота, по-моему, вообще держались на одном честном слове. Но Фрося, бодренько подо-

шла к ним и со всей силы постучала кулаком... затем ногой. Звук был такой, как будто железным половником бьют по пустой бочке. Долгое время слышался лишь грозный лай собак, но потом раздался громообразный голос и ворота распахнулись. Я, честно говоря (судя по голосу), ожидала увидеть двухметрового мужика с бородой до пояса и усами до подбородка (так как говоривший, то есть кричавший за воротами немного шамкал, вот я и подумала, что усы в рот забиваются). Но... в открытых воротах стояла сухонькая старушка, кажется – дунет ветерок, она и рассыплется. Сморщенная кожа, испестренная морщинами, складками лежала на лице (было небольшое сходство с собакой породы «шарпей», только последняя обычно поупитаннее). Бабулька, роста метр с кепкой в прыжке, сверлила нас ястребиным взором, так хищник смотрит на свою потенциальную жертву. Она грозно подперла малюсенькими кулачками костлявые бока, еще раз сверкнула глазами и... сказала этим громоподобным голосом, от чего я просто впала в ступор. Откуда такой голосище в таком немощем теле из которого вот-вот посыплется песок?

– Чаво надо?

– Тетя, миленькая, не уж-то ты меня не узнаешь?

– Нет! – Ответила та, даже не глядя на троюродную племянницу, а пристально изучая меня. Глаза-рентген, вот какое впечатление производило это рассматривание моей персоны.

– Ну, так как же? Это я, Фрося, дочь... – и долгое перечисление всех родственников.

– А-а-а... – бабуля соизволила взглянуть на племянницу, – ну здрава будь, чо пришла?

– Так... в гости ведь звали... вот я и... – Она беспомощно посмотрела на меня.

– А это кто? – костлявый пальчик уперся мне в живот (выше она не достала бы).

– Моя подруга – Маша, она ве... – я резко, как бы случайно толкнула ее всем телом и вытянувшись по стойке смирно, отчеканила:

– Маша, Мария то есть. Веду здоровый образ жизни. В смысле: не пью, не курю и компьютерами не увлекаюсь, с мальчиками не гуляю. Привлечена не была. Что и имела в виду Ефросиния, девушка, приходящаяся вам родственницей.

– И чо? Чо вам надобно? – Потом, немножко подумав, добавила, – детки?

– Да так... – я смутилась. А чего собственно на самом деле нам надо? Я посмотрела на Фросю, а потом пожала плечами.

– Переночевать бы...

– А деньги есть? – спросила старушка, сузив глаза.

– Да как вы смеете?! – Негодование, вот как можно охарактеризовать состояние, в которое меня ввел этот «божий одуванчик», – это ваша кровь и плоть, а вы, можно сказать, гоните ее!

– Не гоню, – уперлась та, – просто спрашиваю, так, на всякий случай.

– А если нету?

– Спать придется на сеновале.

– А если есть?

– То в хоромах, естественно.

– Хорошо, поступим так: Фросю вы, на правах родственницы, принимаете безвозмездно, то есть бесплатно. А я, так как ни кем вам не прихожусь, так и быть, выделю денюшку на социальные нужды, там, на крем от морщин, краску для волос.

– Ам... я... да...

– Согласны? – одновременно с вопросом, достала монетку и покрутила ее перед глазами милой бабушки.

– Хорошо, мои дорогие, замечательно деточки, – губы ее растянулись в щербатую улыбку, явно говорившую о большом удовольствии. – Проходите, сейчас кушать будете, а то небось голодные.

Дважды уговаривать не пришлось. Мы и вправду были голодные, да на столько сильно, что могли загрызть медведя, даже не взирая на шерсть, чтоб сытнее получилось.

На удивление дом оказался очень уютным, еда вкусной, постель мягкой. Придраться было не к чему. Только хозяйка, подозрительно быстро, из бабы-яги превратилась в Марфу-любезницу. Пока ели, это все подозрений не внушало, но как только оказались в комнате, сомнения начали прокрады-

ваться.

– Фрось, тебе ничего не кажется подозрительным?

Она довольно потянулась на воздушной перине, запустила в меня подушку из лебяжьего пера и промурлыкала:

– Ой, ну не надо, а? В коем-то веке так отдыхаем, да еще и у родной тети...

– Может твои ухажеры, и пойдут первым делом искать тебя по родственникам?

– Но ведь еще не пришли? Вот и дай человеку отдохнуть.

– Что ж, отдыхай. Если, что, я предупредила.

Но, честно говоря, сама так устала, что сил не было даже на то, чтобы даже думать.

* * *

Я не собиралась долго задерживаться у этой гостеприимной бабушки. Во-первых, неизвестно, что от нее можно ожидать, а во-вторых, меня ждет «своя» женщина престарелого возраста – Ядвига Маркатовна, чтоб ей икалось не переикалось, и ручки тряслись часа два. На утро состоялся важный для меня разговор:

– Фрося, я ухожу.

– А... я, как же?

– Ты осуществила свою мечту, оказалась в Большом Городе. Тетя поможет устроиться, найдешь работу, встретишь хорошего молодого человека, выйдешь замуж...

– Ты меня бросаешь? После всего того, что мы пережили вместе...

– Я не знаю, что меня ждет завтра, а ты тут можешь быть уверена за свою жизнь.

– Я пойду с тобой.

– Но Фросенька...

– Я пойду с тобой!

– Пойми, я не хочу подвергать тебя...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.